

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

ЦЕРНОВИК

СМОТРИТЕ ФИЛЬМ, ЧИТАЙТЕ КНИГУ!

Работа над ошибками

Сергей Лукьяненко

Черновик

«АСТ»

2004-05

Лукьяненко С. В.

Черновик / С. В. Лукьяненко — «АСТ», 2004-05 — (Работа над ошибками)

ISBN 5-17-033151-2

В твоей квартире живут чужие люди. Твое место на работе занято другим... Тебя не узнают ни друзья, ни любимая девушка... Тебя стирают из этого мира. Кто?

ISBN 5-17-033151-2

© Лукьяненко С. В., 2004-05

© АСТ, 2004-05

Содержание

Черновик	5
1	5
2	12
3	18
4	25
5	33
6	40
7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Черновик

1

Бывают дни, когда все не ладится. Нога с кровати опускается не в тапочек, а на спину любимой собаки, с перепугу цапающей тебя за щиколотку, кофе льется мимо чашки – и прямо на свежую рубашку, дойдя до метро, обнаруживаешь, что позабыл дома документы и деньги, а возвратившись домой, понимаешь – ты их не забыл, а потерял. Вместе с ключами.

Но случается и наоборот. Встаешь бодрым и с приятными воспоминаниями о приснившемся сне, вчерашний насморк за ночь прошел бесследно, яйца удаётся сварить «в мешочек», подруга, с которой разругался накануне, звонит сама и просит ее простить, троллейбусы и автобусы подкатывают, едва ты подходишь к остановке, начальник вызывает к себе и сообщает, что решил поднять тебе зарплату и выплатить премию.

Таких дней я опасаясь больше. Все-таки правы были древние – нельзя гневить судьбу излишней удачливостью. Царь Поликрат не зря выбросил кольцо в море – вот только когда море отвергло жертву, царю стоило бы отрезать себе палец, авось не прирастет. Если ты не прирожденный счастливчик, идущий по жизни легкой походкой бездельника, – бойся счастливых дней! Жизнь не зря походит на полосатую тюремную робу. Случилась беда, значит – завтра придет удача.

Обычно эта мысль меня успокаивает. Но только не сегодня.

Я стоял перед дверью своей квартиры. Дверь как дверь. Железная в силу нынешних криминальных времен, дешевая по причине отсутствия богатого дядюшки в Америке.

Вот только дверь была приоткрыта. Что это значит, объяснять вряд ли требуется. Склерозом я пока не страдаю, ключи Аня презрительно швырнула на пол неделю назад перед уходом. Был запасной комплект у родителей – не для инспекций, разумеется, а на тот случай, если я ухитрюсь потерять свои. Но вот беда, родители неделю как отдыхают в Турции и наведаться в гости никак не могут.

Я стоял и думал о Кешью. Почему моего скай-терьера зовут Кешью, надо спрашивать у заводчицы. Может быть, она любит эти орехи. А может быть, просто не знает, что такое кешью. Я спросить постеснялся.

Что сделает вор, обнаружив в квартире мелкого, но отважного терьера? Хорошо, если только пнет.

Конечно, в квартире было кое-что ценное. Ноутбук. Музыкальный центр. Телевизор тоже неплохой, DVD-проигрыватель совсем новый. В конце концов, любой опытный вор обнаружит приклеенную скотчем к задней стенке гардероба заначку – тысячу евро в бумажном конверте.

Но думал я только о Кешью. И простоял бы, наверное, еще несколько минут, не решаясь распахнуть дверь, не раздайся из квартиры легкий металлический звон.

Вор еще был в квартире!

Богатырским сложением или геройским нравом я никогда не отличался. Все знакомство с единоборствами заключалось в вялом полугодовом хождении на курсы каратэ в нежном тинейджерском возрасте, а весь боевой опыт – в нескольких потасовках примерно в то же самое время. Но в квартиру я ворвался с энтузиазмом Брюса Ли, которому наступили на любимое кимоно.

Вам когда-нибудь доводилось чувствовать себя полным идиотом?

Я стоял в тесной полутемной прихожей своей однокомнатной квартиры. Вот только квартира выглядела чужой. Вместо аккуратно прикрученных к стене крючков, с которых одиноко свисала неубранная с весны куртка, обнаружилась разлапистая деревянная вешалка с беже-

вым плащиком и зонтом-тростью. На полу лежал коврик веселенькой раскраски. На кухне, насколько я мог видеть, тоже все было не так...

к примеру – исчез куда-то холодильник. Зато на его месте стояла с кастрюлей в руках молодая некрасивая девица в халатике. При виде меня она громко завизжала и выронила кастрюлю.

– Попалась, лахудра! – закричал я. Что такое лахудра? Откуда слово-то выскочило? Сам не знаю.

– Что вы себе позволяете! – завопила в ответ девушка. – Убирайтесь! Я вызову милицию!

Учитывая, что телефон висел у самых дверей, обещание ее было не просто наглым, но еще и опрометчивым. Я заглянул в комнату – сообщников девицы там не наблюдалось. Зато имелся Кешью, стоящий на диване – не моем диване! И Кешью громко лаял: живой, здоровый, совершенно невредимый.

Это ж надо – вынесли всю мебель! Сколько меня не было дома – пять часов, шесть? Но вынести-то вынесли, а зачем принесли другую...

– Милиция? – спросил я. – Будет вам милиция.

Я снял трубку и набрал ноль-один. Девушка прекратила визжать и молча смотрела на меня. Кешью лаял.

– Пожарная охрана слушает, – раздалось в трубке.

Я нажал на рычаг и набрал ноль-два. Ничего, со всяким бывает. Не каждый день тебя обворовывают, да еще и так затейливо.

– Милиция? Ограбление, – быстро сказал я. – Приезжайте быстрее. Студеный проезд...

– Вы что, больной? – спросила девушка. Кажется, она успокоилась. – Или напились?

– Напился, обкурился, обкололся, – злорадно подтвердил я, вешая трубку. – Конечно-конечно.

– Кирилл? – раздалось из-за спины.

Я обернулся, с радостью обнаружив на лестничной клетке соседку. Вздорная старая женщина по имени Галина, любительница сплетен и ненавистница соседей. Но сейчас, в преддверии новой темы для разговоров, лицо ее выражало неподдельное любопытство и дружелюбие.

– Посмотрите, Галина, что творится, – сказал я. – Пришел и обнаружил дома воровку!

На лице соседки отразился восторг в смеси с легкой опаской.

– Так, может, милицию вызвать, Кириллушка?

– Я уже вызвал, – успокоил я ее. – Будете свидетелем?

Соседка закивала и изобразила что-то вроде легкого замаха в сторону девицы:

– У, лахудра драная! У меня на рынке в прошлом году такая кошелек из сумки украла!

– Да вы с ума посходили, – спокойно сказала девица. Достала пачку сигарет, закурила. В комнате продолжал лаять отважный Кешью. – Кешью, заткнись! – рявкнула девица, и пес немедленно замолчал.

Я оторопел. Соседка насторожилась и покосилась на девицу. Мою собаку она ненавидела, как и любое живое существо в доме. Но...

– Подружка твоя?

– Что? Эта? – Я поперхнулся от досады. Понятно, в ее глазах любой молодой мужчина – кобель, а если он еще и неженатый – так, значит, смесь Казановы с Калигулой. Но заподозрить меня в том, что я привел домой это бесцветное существо с рыжими волосенками и конопушками по всему лицу... – Первый раз ее вижу!

– Это я вас первый раз вижу! – совершенно излишне возразила девушка. – Не знаю, чего вы добиваетесь, но лучше бы убрались из моей квартиры...

– Кирилл здесь четвертый год живет, – сразу же встала на мою защиту соседка. В этот миг я готов был признать, что старая сплетница заслуживает уважения. – Родители у него люди

богатые, купили сыночку квартиру, ремонт сделали. Другие всю жизнь по углам маются, а он с молодости при жилье...

Нет, наверное, я погорячился насчет соседки. Какое ее собачье дело, кто купил мне квартиру? Ей-то самой трехкомнатная досталась в стародавние времена от государства непонятно за какие заслуги на ниве работ в Госплане...

– Вы с ума сошли, – сказала девица. – Или все – одна шайка.

Галина всплеснула руками. И бросилась звонить в соседнюю дверь. Мы с девицей остались мерить друг друга злобными и подозрительными взглядами. Словно по уговору ни она, ни я не трогались с места. Только девица курила – уже вторую сигарету, а я крутил на пальце кольцо с ключами.

– Мамы дома нет, – отвечала Галине из-за приоткрытой двери соседская девочка. – А папа спит после работы...

– Разбуди папу, тут у нас соседа грабят! – радостно сказала старуха.

Девочка выглянула, пискнула мне: «Здрасте» и скрылась в квартире, не забыв захлопнуть дверь. Галина тут же прокомментировала:

– Знаем мы эту работу. Нажрался как свинья, отсыпается...

Дверь снова открылась. Вышел сосед – в трусах, майке и босиком. Ему лет под сорок, но мужик он здоровый и, похоже, не прочь сейчас кому-нибудь засветить кулачищем в глаз.

– Здрасте, Петр Алексеич! – выпалила соседка. – А у нас тут беспредел! Грабят мальчика нашего среди бела дня!

– Вечер уже, – отстраняя соседку, сказал Петр. Подошел, глянул через плечо. Спросил: – Помощь нужна?

– Сейчас милиция приедет.

Сосед кивнул. С грустью произнес:

– Жаль, что девка. Мужiku бы сейчас дали в репу. Для начала.

Девица побледнела.

– А может, стоит все-таки дать? – вслух размышлял Петр.

Но тут загудел лифт, и сосед замолчал. Через несколько секунд на площадку вывалились трое милиционеров. Двое – с автоматами. Обнаружив, что стрелять пока не в кого, они замерли будто почетный караул. Третий – видимо, старший, – спросил у меня:

– Кто вызывал милицию?

– Я.

– Ваша квартира? – кивая на дверь, спросил старший.

– Да.

Девица внутри истерически засмеялась.

– Его-его, – подтвердила Галина. – Мы соседи. И свидетели!

– Старший сержант Давыдов. Предъявите документы, – велел милиционер, не делая пока попыток пройти в квартиру. – Всех касается!

Соседи нырнули в свои квартиры. Даже неспешный Петр Алексеевич обрел некоторую торопливость. Я достал паспорт и протянул милиционеру, сбивчиво объясняя:

– Вернулся с работы, дверь открыта... За собаку испугался, эти ж сволочи и прибить пса могут...

– Собаку надо держать такую, чтобы при ее гавке преступник мочился в штаны, – изучая паспорт, сказал милиционер. Покосился на девицу. – Или мимо юбки... Так. Кирилл Данилович Максимов. Прописан в городе Москве, Студеный проезд, дом тридцать семь, квартира восемнадцать... Так. Что ж, все ясно.

Вышли соседи с паспортами.

– Будете понятыми, – сообщил им Давыдов. – Входим в квартиру?

– Входим, – злорадно сказал я. – Представляете, вынесли мебель, вместо нее свою при-
тащили...

– Захват жилого помещения, – вставил один из ментов с автоматом.

– Выводы оставь судьям, – оборвал его старший сержант.

Мы вошли в квартиру. Кешью опять залаял. Давыдов посмотрел на него и покачал голо-
вой. После чего вполне вежливо поинтересовался:

– Ваши документы.

– Они в сумочке. На вешалке, – кивнула девица.

– Достаньте.

Девица достала из сумочки документы. На меня она теперь смотрела как-то очень
странно.

С минуту старший сержант изучал ее паспорт. Потом прошел к окну и еще минуту раз-
глядывал паспорт при остатках дневного света. Присвистнул и посмотрел на меня с загадочной
улыбкой:

– Вот так третья улица Строителей, гражданин Максимов...

То, что он назвал меня гражданином, мне не понравилось. И вполне обоснованно.

* * *

Звали девицу Натальей, фамилия – Иванова. Двадцать один год, на пять лет моложе меня.
Прописана она была в моей квартире. Сейчас мы сидели на кухне за столом – я, Наталья и
старший сержант.

Некоторое время Давыдов изучал паспорта, потом спросил:

– И друг друга вы не знаете?

Я даже не стал отвечать. Девица – тоже.

– Кто здесь проживает? – поинтересовался старший сержант у соседей.

– Он! – воскликнула Галина. – Он тут живет! Три года как живет.

Все-таки что-то человеческое в ней есть.

– Кирилл, – подтвердил Петр Алексеевич. – Не сомневайтесь. А эту... первый раз вижу.

Старший сержант посмотрел на Наталью и укоризненно спросил:

– И зачем это вам, гражданка? Подделка паспорта, воровство...

– Выводы оставьте судьям, – огрызнулась девица. – Я здесь живу! Три года, как квартиру
купила. А этих... – неопределенный кивок то ли в мою сторону, то ли в сторону соседей, –
первый раз вижу! Это же шайка, ну как вы не понимаете!

Я слушал ее – а сам смотрел на кафель. Обычная полоска кафеля над плитой и умы-
вальником, «фартук». У меня был красивый бордовый кафель, в принципе – очень дорогой,
но купленный задешево, как остатки. Сколько там нужно было этого кафеля, два квадратных
метра...

У Натальи кафель был попроще. Голубенький.

Да, за день можно вынести из квартиры всю мебель. И если уж на то пошло, даже пере-
клеить обои. Но сколоть старый кафель и положить новый? Да еще так аккуратно?

Или все-таки можно?

Я посмотрел на пол. Линолеум. Не тот, что у меня. Другой.

– Это ваша квартира? – спросил Давыдов. – Вы здесь живете?

– Не знаю...

– Как это – не знаете? – Он даже растерялся. – Вы же...

– Я здесь живу. Это мои соседи. – Я кивнул на понятых. – Но... тут все совершенно
изменилось. Мебель другая. Линолеум на полу... у меня посветлее был и мягкий такой, на
подкладке...

Наталья фыркнула.

– Кафель на стенах другой... – чувствуя, что шансы получить поддержку в милиции падают, закончил я.

– Кафель? – заинтересовался старший сержант. – Кафель другой?

Он подошел к стене. Поковырял ногтем шов. Пожал плечами. Спросил у другого милиционера:

– Ты же вроде на стройке работал? Можно за один день кафель на стене сменить?

Мент колебался:

– Теоретически оно все можно. Хороший клей, быстросохнущая затирочка... А практически – нет.

– Пройдемте в ванную, – решил Давыдов.

В ванной комнате сушилось белье. Женское. Наталья засуетилась, срывая с веревочек трусики и лифчики.

– Ваша ванная комната? – спросил Давыдов. – Кафель ваш?

Дался ему этот кафель... Но я понимал, к чему он клонит. Сменить два метра кафеля – дело одно. А вот в ванной комнате ремонт сделать...

– Вроде мой, – печально сказал я. – Тот, который и был, я не менял.

– Приметы какие-нибудь? Скол на ванне, плитка треснувшая?

Я честно пытался вспомнить. Мне очень хотелось найти в этой квартире хоть что-нибудь свое.

– На смесителе царапины были, я его в некондиции брал, – признался я. – Но тут другой смеситель, старый.

– Какой еще старый? – возмутилась Наталья. – Я смеситель не меняла, какой стоял, такой и стоит!

У старшего сержанта пискнула рация. Он буркнул что-то в микрофон. Задумчиво потрогал смеситель. Произнес:

– Значит, так. У кого есть документы на квартиру?

– У меня! – откликнулась Наталья. – Сейчас...

Она убежала в комнату.

– У меня тоже были, – безнадежно сказал я. – В письменном столе. Только его нет в комнате, я заглядывал. Стола, в смысле, нет.

– Такие документы надо хранить в банковской ячейке, – серьезно сказал старший сержант.

И тут я не выдержал, взорвался:

– Ты что несешь, страж закона? Какая ячейка! Ну кто я тебе – новый русский, ячейку в банке снимать? Ты сам-то где документы хранишь?

Он даже не обиделся – и это вновь меня испугало.

– Под матрасом... Остыньте, Кирилл Данилович, наговорите лишнего – придется вас задержать.

Вернулась Наталья. С документами на квартиру – бланки о квартплате, квитанции за электричество, свидетельство о покупке квартиры...

Я молчал. Старший сержант просмотрел документы, вернул их и сказал:

– Что ж, господа и дамы, не вижу возможности вам помочь. Вам, Кирилл Данилович, следует обратиться в суд. Если квартира действительно ваша...

– То есть как это действительно? – воскликнул я.

Давыдов поморщился и продолжил:

– ...то копии документов хранятся у нотариуса, в органах регистрации актов купли-продажи жилья, в дэзе, наконец. Подменить все эти документы... – он замялся, – ну, наверное,

возможно, но настолько сложно и дорого, что овчинка выделки не стоит. Не будет никто из-за однокомнатной в панельном доме на окраине такие дела воротить!

Наталья хмыкнула – так торжествующе, что стало ясно: она уверена в наличии документов. И в дэзе, и у нотариуса...

– Вам же, гражданка Иванова, если вы здесь проживаете, я бы посоветовал завести хоть какие-то отношения с соседями. Кто может подтвердить, что вы тут живете? Подруги, родственники?

– Родственники в Пскове живут, ко мне не приезжали, – отпарировала Наталья. – С подругами я в парке гуляю и в кино хожу, а не пью в квартире, как мужики. А с соседями такими, стыд пропившими... – она гневно посмотрела на соседей, – знаться не собираюсь.

– Тихо-тихо. – Движением руки Давыдов притормозил шагнувшего к Наталье Петра Алексеевича. – Ситуация сложная, но правда всегда восторжествует. Давайте покинем квартиру гражданки...

Я понял, что проиграл. И сказать мне было нечего.

Хотя...

– Кешью я тебе не оставлю, сука! – подхватывая вертящегося у ног Натальи скай-терьера, сказал я. – А-а!

Кешью цапнул меня за палец, вывернулся, упал на пол и принялся лаять. На меня.

– Ты мне только покалечь собаку, сволочь! – взвизгнула Наталья. – Кешью, маленький...

– Пусть документы на собаку представит! – крикнул я. – Это мой пес!

Кешью сидел на руках у Натальи и возмущенно облаивал меня. Палец болел, но все-таки скай прихватил его не до крови.

– Идемте, Кирилл. – Давыдов похлопал меня по плечу. – Идемте. Собака, похоже, с вами не согласна.

– Сейчас покажу документы! – вопила вслед Наталья. – Вот сволочь! Вот для чего ты все задумал, да? Собаку отнять?

Едва мы вышли в подъезд – Давыдов то ли подталкивал меня, то ли выпихивал, – дверь за нами с грохотом захлопнулась. Щелкнули замки. Потом брякнула задвижка.

– Дела... – с чувством сказал старший сержант.

Я посмотрел на соседей. Галина, я наконец-то вспомнил ее отчество – Романовна, смотрела на меня с неподдельным восторгом. Еще бы! Такая тема для разговоров!

– Улыбаться будете, когда вернетесь домой из булочной, а в вашей квартире будет жить чужой мужик, – сказал я.

Глаза у Галины Романовны округлились.

– Ах ты... – завопила она, в панике отступая в свою квартиру. – Знать тебя не знаю! И не жил ты здесь никогда!

Давыдов вздохнул:

– Зря вы так. Похоже, вам предстоит долгое разбирательство, а вы свидетелей против себя восстанавливаете...

– Так вы мне верите? – спросил я.

Никогда я милицию не любил. Слишком уж часто беды от ментов больше, чем помощи. Но этот старший сержант мне нравился, он... ну, как сказать, походил на правильного. На нормального милиционера. Такого, каким тот должен быть. Даже то, что он спасовал перед документами Натальи, меня не обидело.

– Верю. Не похоже, что вы врете, да и зачем вам врать. И соседям вашим я верю. – Давыдов достал пачку «Явы», предложил мне, я отказался. Давыдов закурил и продолжил: – Если бы я решал, то одно слово этой сволочной бабки все бумажки бы перевесило.

– Да уж, если она вступилась... – буркнул Петр Алексеевич. – Не угостите?

Давыдов глянул в пачку. Сказал:

– Последнюю менты не забирают... зато угощают. Кури, у меня в машине есть. Похоже, расходиться им не хотелось – настолько ошарашило всех происходящее.

– Что же мне делать? – спросил я.

– Документов у вас нет? Кроме паспорта?

Я покачал головой.

– Идите в дз. Идите по всем конторам, где могут быть бумажки, подтверждающие ваше право на жилье. Без бумажки ты кто?

– Букашка, – пробормотал я.

– Вот. Хоть сто свидетелей приведи, которые с тобой в квартире водку пили, обои клеили, новоселье обмывали. Но без бумажки ты никто, и ни один суд тебя не защитит. Если знакомые журналюги есть – к ним обратись. Может, посоветуют чего или статью напишут...

– Это раньше к статьям внимание было, – пробормотал Петр Алексеевич. – Сейчас... только подтереться.

– С собакой странно, – сказал вдруг Давыдов. – Я все допускаю. И что документы всюду подменили, и что обои переклеили, кафель сменили. Но чтобы собака хозяина не признала? Взрослой брал?

– Щенком. В два месяца.

– Чуть какая-то. – Давыдов покачал головой. – Значит, другой пес.

– Мой! Ну что же я, свою собаку не узнаю? Это для чужого человека они на одно лицо...

Рация у Давыдова вновь запищала.

– Удачи... – сухо буркнул он, будто решив, что излишне разоткровенничался. Надавил кнопку лифта. – Правда – она все равно дырочку найдет...

– До свидания, – как-то очень неуместно произнес тот мент, что прежде работал строителем.

Они погрузились в лифт, цепляясь друг за друга стволами автоматов и как-то совершенно этого не замечая. Вот так и происходят несчастные случаи...

– Кирилл, может, зайдешь, сто грамм выпьешь? – спросил Петр Алексеевич. – На тебе лица нет...

Я покачал головой:

– Напиться-то я сегодня напьюсь, но не сейчас...

– Тебе есть где ночевать?

– Есть... наверное. Если у родителей теперь не прописаны какие-нибудь таджикские беженцы...

Петр не улыбнулся.

Я тоже подумал, что ничего смешного в этих словах нет. Пожал ему руку и вызвал лифт.

– Если что – всегда скажу, ты здесь жил! – сказал сосед. – И дочка подтвердит, и супруга...

Я отметил слово «жил», хотя вряд ли Петр придавал ему какое-то значение.

2

В квартире родителей таджикских беженцев не обнаружилось. Наглых некрасивых девиц – тоже. Я достал из холодильника пакет замороженных сосисок, пока они варились – полил цветы. Цветочкам повезло, я хоть и обещал заезжать, но все ленился...

Может быть, цветы во всем виноваты? Они обладают коллективным растительным разумом и древней магией...

Хихикнув, я пошел есть сосиски. Как ни странно, но настроение у меня почему-то не упало окончательно, а, напротив, улучшалось с каждой минутой.

Отобрали квартиру? А вот хрен! Никто ее не отберет. Найдутся «бумажки», найдутся свидетели, найдутся и нужные люди в прокуратуре, чтобы «взять дело на контроль». В конце концов, отец у меня всю жизнь отработал гинекологом, очень даже неплохим, и сколько через него прошло женщин-судей и судебных жен... Помогут. В нашей стране прав не тот, на чьей стороне правда, а тот, у кого друзей больше. А у меня и дело правое, и связи найдутся.

Зато будет, что потом вспомнить!

Успокаивая себя этими мыслями, я достал из холодильника бутылку водки, выпил под сосиски сто граммов и спрятал обратно. Напиваться в одиночку в мои планы не входило, а вот посоветоваться с умным человеком за бутылкой, снять стресс – это будет очень даже к месту.

Прихватив телефон, я завалился на диван. К кому бы напроситься или лучше кого позвать к себе? Такого, чтобы разговор не выродился в пьяный треп ни о чем...

И тут телефон зазвонил сам.

– Алло? – настороженно спросил я. Не дай Бог, родители вздумали позвонить мне домой и наткнулись на эту... лахудру...

– Кирилл? – раздался жизнерадостный голос. – Во, нашел я тебя. Мобильник отключен, у тебя дома Анька рычит, что ты там больше не живешь... ты что, совсем спятил, квартиру ей отдал и сам ушел?

– Анька? – доставая трубку, спросил я. Блин. Мобильник, оказывается, сел. А зарядка оставалась в квартире...

– Ну а кто? Баба какая-то...

Все женщины в мире делились для Коти на «баб» и «даму». Бабы – это все лица женского пола. Дама – это та баба, в которую он в данный момент влюблен.

– Котя, ты не тараторь, – попросил я. – Тут такие дела, что мне твой совет нужен...

– А мне – твой! – радостно сказал Котя. К кошачьим он был совершенно равнодушен, но свое паспортное имя Константин почему-то не любил и с детства с удовольствием откликался на Котю или Котенка. Обычно такие прозвища прилипают к здоровенным неторопливым мужикам, относящимся к ним с иронией. Котя же был невысоким, щуплым и подвижным до суетливости. Не Квазимодо, но и не Аполлон, Котя, однако, обладал изрядным обаянием. Многие писанные красавцы, пытавшиеся закадрить с ним на пару девиц, с удивлением убеждались, что самая симпатичная неизменно предпочитала Котю. «Можно просто – Котенок», – с улыбкой говорил он при знакомстве, и это почему-то не выглядело ни манерным, ни фальшивым.

– Приезжай, – сказал я. – К родителям, адрес еще помнишь?

– Помню. – Котя поскущнел. – Слушай, я горю, мне статью надо добить. Еще на два часа работы. Приезжай ты, а?

– А твоя дама против не будет? – спросил я.

– Все бабы – сволочи, – печально сказал Котя.

Понятно. Очередная дама перешла в категорию баб, не сумев окольцевать моего слишком подвижного друга. А новой еще не появилось.

– Приеду, – вздохнул я. – Хотя отрываться от дивана...
– У меня коньячок есть хороший, – затараторил Котя. – Веский довод, а?
– Да хрен с ним, с твоим коньяком... – вздохнул я. – Ладно, сейчас приеду. Что прихватить?

– Ну ты же у нас умный, – ответил Котя. – Все что угодно, кроме баб!

Вот так и получилось, что, лишившись квартиры, я отправился пьянствовать с другом. Нормальный русский вариант развития событий, странно было бы ожидать чего-то другого.

Котя жил в просторной двухкомнатной квартире в старом сталинском доме на северо-западе. Временами в квартире было чисто и прибрано, но сейчас, в отсутствие дамы, жилье постепенно превращалось в свойственный Коте безалаберный бардак. Судя по пыли на подоконниках и невымытой плите, с очередной пассией Котя расстался не меньше недели назад.

При моем появлении Котя оторвался от компьютера, выставил на стол бутылку коньяка – и впрямь приличный пятилетний «Арагат», – довольно потер руки. Сказал:

– Теперь пойдет. А то без ста грамм рассказ не осилю, а в одиночку не пью.

Это была его обычная присказка. Без ста грамм он не был готов осилить уход очередной дамы, дописать рассказ или выдать мудрый совет. В одиночку, впрочем, он действительно никогда не пил.

Мы разлили коньяк по рюмкам. Котя задумчиво посмотрел на меня. В голове крутились десятки вопросов, но задал я самый нелепый:

– Котя, а что такое «лахудра»?

– Это и есть то, что ты хотел у меня узнать? – Котя поправил очки. Близорукость у него была очень умеренная, но кто-то его убедил, что очки ему идут. В принципе они и шли, к тому же в очках Котя выглядел совершенно типичным умным еврейским мальчиком, работающим «где-то в сфере культуры». То есть самим собой. – Лахудра, наивный друг мой, это проститутка самого низкого пошиба. Вокзальная, плечевая...

– Плечевая?

– Ну, которая с водителями-дальнобойщиками... – Котя поморщился. – И скажу я тебе по совести, что в каждой бабе сидит эта самая лахудра...

– За это пить не буду, – предупредил я.

– Тогда просто за баб.

Мы выпили.

– Если ты с горя решил проститутку вызвать... – начал Котя.

– Нет. Ты-то что хотел спросить?

– Слушай, у тебя же папаня – гинеколог?

– Угу.

– Какие есть венерические заболевания? Экзотические?

– Затрудняешься в диагнозе? – не удержался я. – СПИД, сифилис...

– Все старо... – вздохнул Котя. – Я тут для одной газетки письмо пишу, исповедь мужика, который вел разгульную половую жизнь и в результате пострадал... Ну не сифилисом же он заразился! И не СПИДом... Старо все это и скучно...

– Ты что-нибудь из личного опыта вставь... – ехидно сказал я. – Не знаю, старик. Дома мог какую-нибудь книжку глянуть, а на память... я-то сам не врач.

Котя зарабатывал на жизнь довольно оригинальным методом – он писал рассказы для «желтой» прессы. Якобы документальные. Всякие там исповеди матерей, согрешивших с сыновьями, терзания голубых, влюбившихся в мужика с нормальной ориентацией, записки зоофилов, восплававших страстью к дикобразам, признания несовершеннолетних девочек, которых соблазнил сосед или учитель. Все это дерьмо он гнал километрами в тот период, когда его бросала очередная подруга. Когда же половая жизнь Коти налаживалась, он переходил на сенса-

ционные материалы о летающих тарелках, духах и привидениях, личной жизни знаменитостей, масонских заговорах, еврейских кознях и коммунистических тайнах. Ему было в принципе все равно, что писать, существовало лишь два периода – о сексе и не о сексе.

– Ладно, – поморщился Котя. – Пусть будет СПИД... в конце концов...

Я подошел к компьютеру, посмотрел на экран. Покачал головой:

– Котя, ты хоть сам понимаешь, чего пишешь?

– А? – насторожился Котя.

– Ну что это за фраза? «Хотя ей было всего шестнадцать, развита она была как семнадцатилетняя»?

– Чем плохо? – насупился Котя.

– Ты хочешь сказать, что шестнадцатилетнюю девчонку можно от семнадцатилетней отличить? По степени развитости?

Котя промычал что-то невнятное. Потом изрек:

– Замени там «семнадцатилетняя» на «двадцатилетняя».

– Сам заменишь. – Я вернулся к столу. – Ну сколько можно эту чушь писать? Ну сочини эротический роман, что ли. Большой, серьезный. Все-таки литература. Может, «нобелевку» получишь или «букер».

Котя вдруг опустил глаза, и я с удивлением понял, что попал в точку. Сочиняет он что-то такое... серьезное. Или собирается.

В принципе Коте достаточно было хорошим языком описать свою жизнь, чтобы получилось вполне занятное чтение о нравах московской богемной и около нее молодежи. Но это я говорить уже не стал, решив, что на сегодня лимит дружеских подколов выбран.

– У меня беда, Котя, – сказал я. И сам удивился, как легко это прозвучало. Правдиво. – Случилась какая-то сумасшедшая история...

Слова полились сами собой. За рассказом мы почти допили коньяк, Котя несколько раз снял и протер очки, под конец вообще убрал их на телевизор. Пару раз он что-то уточнял, один раз все-таки не выдержал и спросил: «А ты не гонишь?»

Когда я закончил, был уже двенадцатый час.

– Ну ты и попал, – произнес Котя тоном врача, выносящего предварительный, но весьма нерадостный диагноз. – Никаких документов?

– Никаких.

– Ты... точно там паспорт не терял... документов? Может, тайком квартиру перепродали, эту стерву вселили...

– Котя! Она утверждает, что живет там три года! И по документам – три года!

Котя кивнул и сказал:

– С первого взгляда – похоже на обычное квартирное кидалово. Но... за один день сменить обои, кафель... что там еще?

– Линолеум...

– Ага. А также перекрутить смесители, вытащить мебель, поставить новую... и еще создать обжитую обстановку, тапочки там раскидать, лифчики развесить... Кирилл, единственная разумная версия – ты врешь.

– Спасибо.

– Подожди. Я же говорю – разумная версия! Теперь – неразумные. Первая – ты сошел с ума. Или ушел в запой. Квартиру продал неделю назад, когда тебя Анька бросила, и забыл про это.

– А еще я подделал документы, чтобы квартира казалась проданной три года назад!

– Давай для начала убедимся, что еще вчера все было в порядке. Кто-нибудь у тебя в гостях был?

– Нет. – Я покачал головой. – Постой, был! Игорек вечером забежал. Выпросил диск один посмотреть.

– Какой диск?

– Не эротический, – вновь не удержался я. – Мульттики японские.

– А какой Игорек?

– Да не помню я его фамилию, Игорек и Игорек... пацан такой шустрый, у нас в фирме работал, потом к врагам ушел... да знаешь ты его! Он тебе компьютер собирал и ставил!

– Это который все от армии косит? – усмехнулся Котя. – Помню. Номер его есть?

– У меня телефон сел.

– У тебя же «Нокиа»? Возьми мою зарядку, они все стандартные. Счет на электричество я тебе потом выставлю. – Котя хихикнул.

Я достал трубку, подключил зарядник – и в самом деле удобно, что на разных моделях один и тот же разъем, – порылся в записной книжке.

– Вот. Ну и что?

– Набирай.

Котя забрал у меня трубку, опасно откинулся на табуретке – впрочем, у него все было схвачено, спиной он оперся о стену. И тут же бодро воскликнул:

– Игорек? Привет, дорогой. Это Котя. Которому ты год назад компьютер ставил. Друг Кирилла.

Он подмигнул мне, и я стал откупоривать принесенную с собой бутылку.

– Да, конечно, поздно. Извини. Но очень важный и неотложный вопрос. Ты вчера был у Кирилла? Какая еще «Служба доставки Кики»? Нет, не интересуюсь. У меня другой вопрос – он по-прежнему живет в Медведково? Все там же? Не был раньше? Одноушка у него, верно? Однокомнатная, говорю! Ага. Разгрома в квартире не было, ремонта, следов переезда? Ну надо, очень надо! Ага. А пес у него есть? Славный пес, говоришь? А он вчера Кирилла не кусал? Нет, почти не пьян. Слушай, Игорек, скажи своей бабе, что если мужики разговаривают, то мешать не надо! Даже если она в постели и тебя ждет... Чего?

Котя молча отдал мне трубку. Покачал головой:

– Учишь молодежь, учишь... просвещаешь сексуально... все равно баб не воспитывают! Да. Но свидетель, как я понимаю, у тебя есть. Вчера ты еще там жил. И пес твой держал тебя за хозяина, а не за тварь дрожащую.

– Котя, я тебе найду еще десяток свидетелей. Ромка Литвинов три дня назад заходил, мы пивка попили. А он у меня часто бывает. Еще кто-то был... Ты пойми, я не спятил. В моей квартире живет чужой человек. И все выглядит так, будто она живет там уже давно.

– Говоришь, баба некрасивая? – небрежно спросил Котя.

– На даму никак не тянет.

– Чего только не сделаешь ради друга, – вздохнул Котя. – Где она работает?

– Менту сказала, что продавщицей на Черкизовском рынке... обувью торгует...

– Ужас какой, – вздохнул Котя. – Страх и ужас. Давно я не обольщал продавщиц. Но свежие штиблеты мне не помешают.

– Ну ты даешь, – только и сказал я. – Только чем это поможет?

– Хотя бы выясню, кто такая.

В способности Коти увлечь блеклую моль Наталью Иванову я не сомневался. И никакой жалости к аферистке не испытывал. Но мне этого было мало.

– Хорошо. Спасибо. Но что мне еще делать, посоветуй? Может, в прессу обратиться?

Котя фыркнул. О прессе он был очень низкого мнения.

– Завтра с утра ты на работу не идешь. Ну, звонишь шефу, отпрашиваешься... Двигаешь по маршруту жэк—нотариус...

– Давно уже не жэки, а дэзы...

– Какая разница? В общем – обходишь все, где могут быть документы о твоём существовании в бывшей квартире.

– Скажешь еще раз «бывшей» – получишь в лоб, – мрачно сказал я.

– Извини. В будущей. – Котя ловко увернулся от нарочито медленного замаха. – В настоящей, настоящей... В общем, ты все обходишь, не забыв и про телефонный узел.

– О, точно, – оживился я.

– А потом, когда ты нигде не обнаруживаешь своих документов...

– Почему нигде? – Я мигом протрезвел.

– Кирилл, судя по размаху аферы, за тебя взялись всерьез. Я не понимаю, кто и зачем, но устраивать в квартире скоростной ремонт и делать фальшивые документы, не изъязвляющих, – глупо. А твои неведомые враги – не глупцы! Итак, документов ты не находишь. После этого идешь к юристу. Хорошему. Очень хорошему, если деньги есть, а не в рядовую юридическую консультацию. Если денег нет, я могу занять... ну, полштуки точно займу.

– Спасибо, – только и сказал я. – Ничего, деньги есть. У меня на карточке почти штука, да и у родителей... в общем, знаю, где их заначки.

– Хорошо. Юрист даст тебе мудрые советы. Я тем временем попробую познакомиться с этой ба... – Котя сделал над собой усилие и мужественно сказал: – ...дамой. Вряд ли они ожидают такого хода.

– Они?

– А что, она похожа на бога Шиву? Одной парой рук кафель клала, другой – обои клеила, третьей линолеум стелила? Точно хочу познакомиться с затейницей... Да! Об удивительном ремонте! Еще ты идешь в строительную фирму. Хорошую фирму, серьезную. Попытайся выглядеть психом при деньгах. И пытай их насчет того, можно ли в однокомнатной квартире за восемь часов сделать ремонт. Вот именно то, что у тебя в квартире изменилось, и перечисляй. Скажи, что хочешь сделать сюрприз жене... какой жене, кольца ты не носишь... подруге. Или еще чего скажи. Нет, с подругой правдоподобнее всего будет. Очень важно, что они скажут...

Котя оживлялся на глазах. И виной тому явно был не коньяк, а ситуация, в которую я влип. Вот так всегда в жизни – твои проблемы доставляют развлечение даже самым лучшим друзьям!

– Я в прошлом году унитаз менял, – рассказывал он. – Так... раскокал по дурости... Хорошего мастера нашел, непьющего, пожилого. В сантехнике ведь как?

На всякий случай я неопределенно кивнул.

– Опыт нужно иметь! Опыт – главное, – заявил Котя. – Так вот старый опытный мастер целый день провозился. С восьми утра и до десяти часов вечера. Я извелся, он сам страдал... у хороших мастеров примета есть – пока унитаз не закончишь ставить, в туалет нельзя ходить. Зато уж потом обновить его по полной программе – их святое право и обязанность... Четырнадцать часов! На один унитаз! А у тебя весь ремонт за восемь...

Из кухонного шкафа Котя достал сигареты и пепельницу. Я кивнул, хотя курил так же редко, как и он. Спичек Котя не нашел, мы прикурили от газовой плиты с автоподжигом.

– Как ты унитаз-то рассадил? – спросил я.

– Говорю же – по дурости. Знаешь, есть такие китайские хлопушки, маленькие, будто спички. Чиркнул, бросил – она взрывается. Под Новый год дети ими на улице балуются...

– Ну?

– Я летом с друзьями ходил купаться. Завалилась коробка этих хлопушек, я и стал ими бросать в воду. Они не гасли, а в воде взрывались... прикольно так. Друзья очень веселились. А домой приехал, решил показать... одной дамочке... что эти хлопушки в воде продолжают гореть. Не наливать же ванну? Я бросил одну в унитаз... хорошо, что дверь прикрыл. Грохот – и унитаз на кусочки! Только труба торчит, а края – острым венчиком...

– Гидродинамический удар, – сказал я. – Взрыв в жидкой среде в замкнутом пространстве. Думать надо было.

Котя не спорил. Вздыхнул, затянулся сигаретой. Сказал:

– Вот еще что... Очень меня волнует твой пес. Крайне волнует.

– И мент то же самое говорил...

– Прав был мент. Стены можно перекрасить. Люди могут соврать. Собака не предаст никогда...

Некоторое время он молча курил. Потом с удовольствием повторил:

– Люди могут обмануть. Собака никогда не предаст... Надо вставить в рассказик про зоофила...

– Сволочь ты гнусная, – сказал я. – Точно писателем станешь. Из человеческой беды сюжет делаешь!

– Не из человеческой беды, а из собственной удачной фразы, – возразил Котя. – Пока все. Буду думать, но больше ничего посоветовать не могу. Расскажи лучше, что у тебя с Анькой?

– Да ничего. Ей хочется стабильности, уверенности. В общем – кольца на пальце.

– А ты против? Пора и остепениться. Четверть века прожил, а до сих пор болтаешься менеджером в торговой фирме, запчастями к компам торгуешь... Это что – работа? Да это все равно что сказать: «Моя работа в ОТК, презервативы надуваю!» Тебе нужна хорошая работа, верная жена, ребенок какой-нибудь заваливающий...

Я вытаращил глаза.

– Да шучу, шучу, – пробормотал Котя. – Не мне тебя учить. А все-таки жаль, что ты с Анькой расстался, она мне нравилась.

Кажется, он не шутил. Я подумал и плеснул коньяк по рюмкам.

– Мне тоже жаль, Котя. Но так уж сложилось.

– Анька-то свидетелем выступит, если что?

– Выступит, – уверенно сказал я. – Мы, в общем, не разругались, по-интеллигентному разошлись.

– Когда интеллигенты расходятся, тут-то самая грызня и начинается... ни один сантехник такого не учудит.

– Дались тебе эти сантехники... – пробормотал я. – Наливай лучше...

Мы просидели еще часа два. До третьей бутылки, слава Богу, дело не дошло. Но и к концу второй мы развеселились изрядно. Происшествие с квартирой окончательно превратилось в приключение. Котя рассказал историю своего дальнего родственника, путем хитрых обменов, разводов и схождения превратившего две однокомнатные на противоположных концах Москвы в четырехкомнатную «почти в центре». История почему-то показалась нам очень смешной, мы хохотали в голос, и даже когда Котя сообщил, что в результате перенапряжения сил его родственник схватил инфаркт, его бросила жена и теперь он, как дурак, сидит один в большой квартире, больной и никому не нужный, это нас не огорчило.

По этому поводу Котя заметил, что самое главное в жизни человека – исполнить свое предназначение, об этом даже писал великий мыслитель Коэльо. Видимо, предназначение родственника в том и заключалось, чтобы совершить этот грандиозный обмен. А по сравнению с исполненным предназначением и потерянное здоровье, и утраченная жена – мелочи жизни.

Потом Котя постелил мне на диване и вернулся к своему недописанному произведению. Я уронил голову на подушку, сообщил, что сна нет ни в одном глазу, и мгновенно уснул под ровное постукивание клавиш.

3

Встал я рано, на удивление свежим и бодрым. Припомнился старый анекдот о том, что в двадцать лет всю ночь пьешь и гуляешь – утром встаешь бодрый, в тридцать лет всю ночь пьешь и гуляешь – утром встаешь и чувствуешь, что всю ночь пил и гулял, а в сорок всю ночь спишь – а утром встаешь, будто всю ночь пил и гулял. Поскольку я пока был между двадцатью и тридцатью, то у меня ночь на ночь не приходилась.

Эта выдалась удачной.

Котя еще дрых. Я принял душ, вычистил зубы намазанным пастой пальцем, порылся в холодильнике и сделал себе пару бутербродов с докторской колбасой. Ждать, пока работник умственного труда и вольного графика проснется, не было никакого желания. Хотелось действовать. Хотелось бороться и искать, найти и не сдаваться. Я заглянул в спальню.

Котя спал на широкой двуспальной кровати, сиротливо прижавшись к стенке. Я потряс его за плечо.

– Вставайте, граф!

Замычав, Котя открыл глаза. Удивленно уставился на меня.

– Пошел я. Правду искать. По дэзам, нотариусам и прочим адвокатам. Дверь закрой.

– А... Киря... – Котя потер переносицу. – Что-то мы вчера изрядно кирнули...

Ненавижу глупые каламбуры! Даже с похмелья.

– На Черкизовский заедешь?

– На даму посмотреть? Помню, помню... – Котя крикнул и сел на кровати. – Ладно, давай двигай... Я тоже вставать буду.

– Работу-то закончил? – спросил я.

– А как же... «Девочка и ее пес». – Котя встал и вслед за мной двинулся в прихожую. – Отличная история вышла, душещипательная... В малолетстве девочку соблазнил родной дядя, потом изнасиловали все одноклассники по очереди, потом она работала в борделе на Мальте, потом вернулась в Россию и занялась разведением мальтийских овчарок... тут-то и нашла свою любовь...

– Балда! – не выдержал я. – Мальтийских овчарок в природе не существует! Есть мальтийские болонки!

– Это ты у нас собаковод, тебе и положено знать, – не смутился Котя. – А рядовому читателю по барабану – что мальтийская болонка, что йоркширский терьер... Зато какова финальная фраза: «Люди могут соврать. Собака не предаст никогда!»

– Ну-ну. «Букер» тебе обеспечен, – сказал я, выходя за дверь. Вспомнил Кешью, и настроение как-то сразу упало.

Следующие четыре часа я провел в разъездах. Поймал машину с водителем-кавказцем, как нынче принято в Москве. Рыван у него был покрепче обычного, да и сам водитель мне понравился, так что я сразу договорился с ним «на время» и принялся мотаться по городу. Дэз, нотариус, отдел регистрации жилого фонда... все те места, куда по доброй воле не пойдешь. Но мне сегодня отчасти везло. Почти всюду я проходил без очереди, почти все бюрократы «входили в мое положение».

Котя оказался прав.

Все документы на квартиру были выписаны на имя Натальи Степановны Ивановой.

Я не устраивал скандалов. Выписаны – и выписаны. Вряд ли стоило восстанавливать против себя мелких клерков. Вначале надо составить полную картину происходящего.

Последней точкой был Останкинский телефонный узел. Телефон тоже принадлежал гражданке Ивановой.

И вдруг меня посетила неприятная догадка. Я попросил водителя остановиться у офиса МТС на проспекте Мира, подошел к окошечку кассы и назвал свой номер.

– Фамилия, – скороговоркой сказала барышня.

– Максимов.

– Наверно, – холодно ответила девушка. – Повторите еще раз номер.

– Фамилия – Иванова, – предположил я. – Забыл совсем, ведь жена оформляла...

– Сколько будете класть денег?

– Сто рублей, – мрачно сказал я.

Итак, меня лишили даже мобильного. Казалось бы – невелика потеря. В любом ларьке купи пакет «Би+» или «Джинс», а то и просто оформи новый контракт. Что там у меня на счету лежало? Рублей пятьсот, не больше...

Ужасало другое. Они все продумали! Они не упустили даже такой мелочи, как контракт на мобильный телефон!

Неужели они не упустили совершенно ничего?

– Давай в поликлинику, – велел я водителю. – Это здесь, рядышком...

Поликлиника была самая обычная, «совковая». Старая, вечно ремонтируемая, с огромными очередями из кашляющей молодежи и охающих старушек. Молодежь приходила за больничным, старушки – за общением. Лечиться здесь стоило, только если вас не волнует результат. Я и сам стоял на учете лишь ради редких больничных «по гриппу».

Моей тощей карточки не нашлось. Была карточка гражданки Ивановой – пухлая, растрепанная. Видимо, она любила лечиться...

Выйдя из поликлиники, я постоял, глядя на терпеливо ожидающего водителя. Куда податься бомжу? Впрочем, у меня еще не так все плохо. Можно к маме с папой, можно к друзьям, можно на работу...

– Четвертый час кончается, – предупредил водитель.

– Дальше я пешком, – сказал я. – Тут рядом.

Заплатил восемьсот рублей – вполне по-божески, исходя из московских расценок.

– Давай уж подброшу, – сказал водитель. – Просто так.

Наверное, если бы я рассказал ему свою историю, он бы меня понял. Водитель был мингрел, бежавший во время войны из Абхазии. У него тоже где-то был дом, который теперь ему не принадлежал. И он даже не мог его увидеть – «в Абхазии меня сразу убьют».

А я мог посмотреть на свой бывший дом.

– Спасибо, – отказался я. – Пройдусь немного. Я тут рядом живу.

Водитель уехал, я двинулся к дому. По пути купил пачку сигарет – нервы все-таки пошаливали. Черт с ним, со здоровьем, когда вся жизнь рушится!

Некоторое время я бродил у дома, покуривал и разглядывал занавески. Чужие занавески... я вообще их не вешал, предпочитал жалюзи.

Потом вошел в подъезд, поднялся, постоял у двери. Тихо. Кешью, наверное, дрыхнет на диване...

Я достал связку ключей. Открыл первый замок.

А вот второй не смог. Пригляделся – и увидел, что в замке стоит новенькая личинка.

– Что творим? – раздалось со спины.

Я обернулся – по лестнице поднимался сосед.

– Петр Алексеевич, это же я, Кирилл! – воскликнул я.

– А... – Он кивнул. Остановился у своей двери. – Сменила она замок утром. Сама сменила, рукастая дама...

При слове «дама» мне сразу вспомнился Котя.

– Что же это делается? – спросил я. – Отобрали квартиру... представляете, все документы выписаны на нее! Везде!

Петр кивнул. Достал ключи, стал отпирать свою дверь. Потом сказал:

– Честно говоря, сосед, я твоих документов никогда не видал...

Это было как удар под дых. Я не нашелся, что ответить. А тут еще хлопнула вторая дверь, и высунулась стервозная бабка Галина.

– Кто такой, что тут ходит? – спросила она у Петра Алексеевича, начисто меня игнорируя.

– Кирилл же это, сосед... бывший... – буркнул Петр.

– Какой еще Кирилл? Какой еще сосед? Здесь Наташа Иванова живет! – злобно сказала бабка.

– Старая ты дрянь... – не выдержал я. – Совести нет, так о Боге подумай, скоро уже встреча предстоит.

– Сейчас милицию вызову! – юркнув к себе, выкрикнула бабка. И принялась бесноваться за дверью.

– В милицию тебе попадать точно не с руки, – сказал Петр, входя в свою законную квартиру. – Выпить хочешь?

Я молча стал спускаться по лестнице. Ждать лифт я не мог, слишком уж бурлил адреналин в крови.

Куда теперь? Строительная контора... и кинолог. Начнем с кинолога.

Достав телефон, я отыскал номер заводчицы, которой не звонил уже года два. Взяла она не сразу: судя по голосу, я ее оторвал от дел. Впрочем, заводчикам породистых собак звонят непрерывно.

– Полина Евгеньевна? – нарочито бодро спросил я. – Это Кирилл Максимов, помните? Я у вас покупал Кешью.

– Кешью... Кешью... – пробормотала Полина Евгеньевна. Как и все заводчики, она помнила скорее собак, чем их владельцев. – Помню, славенький кобелек... Вы его развязать решили? Или приболел?

– Да нет, все в порядке, – соврал я. – Я у вас проконсультироваться хочу, если можно. У моего хорошего друга с собакой проблема случилась.

– Только коротко, – сразу же расставила акценты Полина Евгеньевна. Консультировать друзей бывших клиентов, конечно же, не входило в ее обязанности.

– У него тоже скай, хороший молодой песик, – сказал я. – И вот он внезапно перестал хозяина признавать. Совершенно случайную девушку теперь воспринимает как хозяйку, а на друга рычит, лает, чуть ли не укусить готов. Почему такое могло случиться?

– Совсем не воспринимает? – заинтересовалась заводчица.

– Совсем! Как на чужого смотрит! А девчонку эту слушается прекрасно!

– Вы пса не наказывали? – спросила Полина Евгеньевна, давая понять, что моя жалкая хитрость про «друга» не сработала.

– Да нет, как можно, – пробормотал я.

– Он же у вас не кастрирован? Может быть, у девушки сейчас... критические дни... – замялась Полина Евгеньевна. – А пес молодой, активный, вот и ластится к ней. Но то, что он перестал воспринимать вас как хозяина...

– Моего друга!

– Хорошо, хорошо. Вашего друга. Так вот вы передайте вашему другу, что скай – порода очень эмоциональная, интеллигентная и в ответ на грубое обращение может обидеться. Даже на хозяина. Надо быть ласковее с собакой. Может быть, даже извиниться перед ней. Они ведь все понимают, совсем как люди! Не поверите, был у меня случай...

– То есть такое возможно? – прервал я Полину Евгеньевну.

– Я, честно говоря, не сталкивалась, – сухо сказала заводчица. – Но все когда-нибудь случается в первый раз. Доброта и забота, запомните! Добротой и заботой можно от собаки

добиться всего, а вовсе не силой и командным голосом! Собаки – они как люди, только еще лучше. Они в отличие от людей не предадут!

– Спасибо большое... – промямлил я. – Так и скажу другу...

– Вот так и скажите! И супруге привет большой передавайте... Наташа, кажется, ее зовут? Я похолодел. Мне показалось, что в трубке я слышу шуршание бумаг.

– Вы ошиблись, я не женат.

– Ну как же не женаты? Вот у меня все записано: Кешью фон Арчибальд, кобель, владельца – Наталья Иванова...

– Да, вы правы, – сказал я. – Простите за беспокойство. До свидания.

Они не упустили ничего! Они подменили документы даже в квартире заводчицы!

И ради чего? Ради однокомнатной квартиры в старом панельном доме?

Бред, чушь, нонсенс!

Я присел на скамейку. Достал еще одну сигарету. Повертел в руках трубку. Чужой телефон, чужая квартира, чужая собака. А если это все – только начало? Чего меня еще можно лишить?

Родных. Друзей. Работы.

Я набрал номер розничного отдела своей фирмы. Занято. Что ж, обычное дело. Звонят всякие пионеры, ищут крутую видеокарту подешевле... Номер босса.

– Слушаю...

– Валентин Романович, добрый день!

– Добрый.

– Это Кирилл Максимов вас беспокоит. Менеджер розницы.

– Из какой фирмы?

Телефон едва не выпал из моих рук.

– Из вашей! Из «Бит и Байт»!

Пауза. Шепоток – будто микрофон прикрыли рукой. Шеф в технике полный ламер, никак не научится пользоваться кнопкой отключения микрофона. Мне показалось, что я услышал: «Кирилл Максимов у нас работает? На рознице?» Потом шеф тем же вежливым тоном спросил:

– Да?

– Я сегодня не могу прийти на работу, Валентин Романович. Тут сложились такие обстоятельства...

Снова пауза и шепоток сквозь ладонь.

– Э... Кирилл Максимов?

– Кирилл, – обреченно сказал я.

– Где вы, говорите, работаете?

– В розничном отделе. Менеджер по продажам. Спросите Андрея Исааковича!

– Андрей Исаакович, – нарочито громко спросил шеф. – Работает у вас Кирилл Максимов?

– Нет, – донесся ответ старшего менеджера розницы. – Валентин Романович, я вам все время говорю – у нас не хватает одного человека! Ну трудно втроем с нашими объемами, просто совсем невозможно!

– Э... Кирилл Максимович... – сказал шеф.

– Кирилл Максимов!

– Кирилл Максимов. Я не совсем понял смысл вашей шутки, но если вы хотите работать в нашей фирме и имеете опыт...

– Имею. Три года работы.

– Где?

– В «Бите и Байте!» – крикнул я и прервал связь.

Меня колотило мелкой дрожью. Это уже не бумажки. Меня не узнал Валентин Романович? Пускай. Не так уж часто я с ним вижусь. Но вот Андрюшка Ливанов, с которым вместе было и выпито технического спирта, и пролито трудового пота...

Бумаги можно подменить. Если уж решили отнять квартиру.

Людей можно подкупить... или запугать. Если уж задались целью затравить меня.

Но откуда у шефа и Андрюшки подобные актерские способности? Андрей у нас хоть и Ливанов, да не тот. И выдать импровизированную горестную речь о нехватке менеджера он никак не мог!

Руки тряслись, и виной тому была не вчерашняя пьянка. Я огляделся. Мой двор. Мой, понимаете? Мой! Эти скамейки и карусели на детской площадке, свежевыкрашенные ко дню города, – они мои! Этот дворник, сгребаящий мокрые осенние листья, – мой! Этот магазинчик на углу, где я покупаю хлеб, колбасу и пельмени, – тоже мой! Все вокруг привычное и уютное, даже лужа в узком проходе между нашим и соседним домом – моя, обжитая, сто раз в ней промокали ноги, а однажды я поскользнулся и шлепнулся в нее – совершенно по-клоунски размахивая руками, пытаясь удержаться от падения, но все-таки приземлившись на мягкое место. Анька тогда хохотала будто ненормальная, я, глядя на нее, тоже принялся смеяться – сидя в луже, и проходившая мимо бабулька высказала все, что думает о пропившей стыд и совесть молодежи...

Я набрал номер Ани.

– Кирилл, не звони мне, хорошо? – раздалось в трубке. – Я не хочу больше с тобой общаться. Правда не хочу.

Отбой.

Наверное, наши отношения и впрямь иссякли. Я не огорчился. Я обрадовался! Анька узнала мой номер, она помнила меня!

Что же происходит?

Я уселся поудобнее, с улыбкой кивнул дворнику – тот меня не узнал и на кивок не ответил. И принялся обзванивать друзей, знакомых и деловых партнеров – всех подряд по записной книжке телефона, начиная с менеджера Ашимова, у которого иногда закупал железяки для фирмы, и кончая папиным знакомым, стоматологом Яблонским, полгода назад ставившим мне очередную пломбу.

Через полчаса, почти посадив телефон, я закончил обзвон.

Картина вырисовывалась странная... впрочем, нет, странная – это если бы в ней начисто отсутствовали закономерности. А здесь они имелись.

Случайные знакомые вроде Яблонского или менеджеров крупных оптовых фирм меня забыли начисто. Приятели, с которыми связывали более-менее личные воспоминания, вспоминали не сразу, но после какого-нибудь «Лешка, ты что, опух? Мы на прошлой неделе вместе пиво пивали в „Граблях“!» вспоминали и начинали смущенно извиняться, ссылаясь на выбившую всю память работу или последствия вчерашнего пьянства. Пятеро вспомнили меня сразу – Котя, хотя тут, вероятно, сказывалось недавнее общение, три девчонки, отношения с которыми были более чем теплыми, и, совершенно неожиданно, один паренек из конкурирующей фирмы. С пареньком этим я общался не слишком уж часто... было в нем что-то такое... голубоватое, что ли...

Я крикнул. Вот те на! История почти как в Котиных рассказах. Парень-то, похоже, и впрямь гей! А я, видимо, ему симпатичен. Вот потому и помнит...

Почему-то мысль о том, что я являюсь объектом сексуальных фантазий голубого, меня потрясла больше, чем охвативший моих знакомых склероз. Я встал, дошел до магазинчика и купил пива. Продавщицы меня не узнали. Вернувшись на скамейку, я попытался сосредоточиться. Фиг с ним, с парнем, положившим на меня глаз. К вечеру и он меня забудет начисто, пра-а-ативный.

Потом, наверное, забудут те девчонки, с которыми у меня были романы.
Что дальше?

Без работы. Без квартиры. Без друзей.

Паспорт? Ну и что с того? Фальшивый. На рынке купил.

А родители?

Не вызовут ли они милицию, обнаружив меня в своей квартире?

Я набрал папин номер. Вслушался в щелканье и потрескивание мирового эфира.

– Да? – весело откликнулся папа.

– Привет, это Кирилл, – сказал я.

– Кто-кто? – не понял отец.

– Кирилл! Ты что, родного сына не узнаешь?

– Да слышно тебя плохо, Кириллка, – добродушно отозвался отец. – Не мобильная связь, а полевая почта... Как дела? Трудисься?

– Тружусь, – ответил я, отхлебывая пиво.

– Мать спрашивает – не болеешь?

– Здоров как бык...

– Все в порядке? Ничего не случилось?

Так и подмывало ответить – «выгнали с работы, отобрали квартиру, а друзья меня забыли».

– Все зашибись! Как отдыхаете?

– Хорошо отдыхаем. Турки облизывают со всех сторон, но так и норовят лизнуть в бумажник, – весело ответил отец. – Зря не поехал.

– Зря, – согласился я.

– Ты просто так звонишь, что ли? Соскучился?

– Ага.

– Ну, через три... через четыре дня приедем. Мать тебе уже сувениров накупила.

Я кивнул. Пара футболок с надписями вроде «Турция – страна веселых девочек», ритуально привозимая с морей ракушка, бутылка какой-нибудь анисовой турецкой настойки.

– Пока, Кирилл, – продолжил отец. – У меня там денег на счету немного, а роуминг прожорливый.

– Положить тебе? – спросил я.

– Да ладно, не надо. Пока!

– Пока, папа, – сказал я.

Почему-то на душе было нехорошо. Вроде и узнали меня, и подарки везут...

Не было уверенности, вот оно что. Если хватило суток, чтобы меня забыли все приятели, то родителям на это понадобится больше времени. Куда больше. Может быть, целая неделя. Но рано или поздно – я был почти уверен – забудут и они. Будут с удивлением наткнуться на мои фотографии... впрочем, кто поручится, что фотографии не исчезнут? Или вместо них окажутся совсем другие снимки?

Что делать?

– Мне нужен специалист, – пробормотал я. И сам себе кивнул. Да, мне нужен специалист. Человек, понимающий хоть что-нибудь в происходящем. Мент? Вряд ли. Адвокат? Да ни в жизни. Экстрасенс? Может быть. Творится что-то совершенно невообразимое. Экстрасенс... или священник?

Я смущенно потрогал крестик, висящий на груди. Формально я – человек православный. И крещенный не в детстве, а во вполне сознательном возрасте. То есть как бы осознанно. В церковь захожу... порой... Раз в год даже к исповеди прихожу. Может, и впрямь – настала пора за помощью бежать к Богу?

Ой беда какая... С Богом все сложно, на личную аудиенцию рассчитывать не стоит. Придется идти к его земным представителям. И что подумает любой здравомыслящий священник, а ведь они по большей части очень даже здравомыслящие, когда я расскажу ему свою историю?

Правильно. Больной человек. В крайнем случае – одержимый. Меня, конечно, будут утешать. Посоветуют молиться. Возможно, даже вместе со мной помолются.

Но всерьез, конечно же, никто не поверит. Разве что совсем уж не-здравомыслящий батюшка. Но такой помощи мне не надо.

На всякий случай я помолился. Стало чуть легче, как всегда, когда пытаешься переложить свою проблему на чужие плечи – и вроде как перекладываешь.

Однако совет мне требуется реальный – и в этой жизни.

Я снова набрал номер Коти.

– Да? – отозвался герой литературного фронта.

– Привет. Это Кирилл.

– Э... Какой Кирилл?

Процесс прогрессировал... и прогрессия явно была геометрическая.

– Котя, я тебе звонил полчаса назад. Помнишь?

– Ну... – неуверенно начал Котя.

– Кирилл. Менеджер из фирмы «Бит и Байт». Мы же лет пять знакомы! Вчера вечером я к тебе приходил, мы две бутылки коньяка выхлестали!

Долгая пауза.

– Кирилл, ты можешь сейчас приехать? – спросил Котя.

– Да, – с облегчением ответил я.

– Приезжай. Только быстро. Что-то странное творится.

– Правда? Я тоже заметил, – ядовито сказал я, вставая со скамейки.

4

С транспортом мне сегодня везло. Я добрался до Коти минут через сорок. Позвонил в дверь.

Котя открыл не сразу. И уставился на меня с нескрываемым любопытством.

– Котя, это я, Кирилл, – сказал я. – Помнишь? Мы вчера...

– Квасили... – пробормотал Котя. – Пока помню. Входи.

И все-таки тараторил он на меня нехорошо. Не как на чужого, но как на очень, очень странного знакомого.

– Так ты помнишь? – уточнил я. – Происходит какая-то чертовщина. Стал звонить знакомым...

– Пошли к компу, – сказал Котя. – Прочитай, что там написано.

Я послушно прошел к компьютеру. На экране был открыт какой-то текст. Я вопросительно посмотрел на Котю.

– Читай с самого начала, – велел он, плюхаясь на диван.

Пролистав текст к началу, я послушно начал читать.

«Индивидуальная тренировка.

Семен Макарович, сорокалетний учитель физкультуры, внимательно смотрел на не по годам развитых восьмиклассниц, занимающихся в школьном спортзале. К нему подошла Юля и сказала:

– Никак у меня не получается сесть в шпагат.

– Значит, будет у тебя «тройка» в четверти, – ответил Семен Макарович. – Гибкости у тебя не хватает.

Юля, признанная школьная отличница, побледнела.

– Только не «тройка», Семен Макарович! Неужели ничего нельзя сделать?

– Почему же? Можно. Зайди ко мне после занятий. Проведем с тобой индивидуальную тренировку по развитию гибкости...»

Я посмотрел на Котю. Тот поморщился:

– Это я халтурку одну делал, когда ты позвонил... дальше читай.

Занимательная история сорокалетнего учителя и негибкой отличницы и в самом деле оборвалась. Так мне и не удалось узнать, какими методами старый нимфоман собирался развивать и без того не по годам развитую школьницу. Зато дальнейший текст касался уже напрямую меня.

«Только что мне позвонил старый приятель Кирилл Максимов. Странное дело – я его не узнал. А ведь накануне мы с ним просидели весь вечер за бутылочкой коньяка...»

– За двумя, – уточнил я.

«Только когда он начал это напоминать, я его вспомнил. И вспомнил как-то странно. Вроде бы вчерашний день весь помню. И как работал, помню. И как выпивал с кем-то вечером – тоже. А вот с кем – совершенно из головы вылетело, пока Кирилл не позвонил. И лицо его с трудом вспомнил. И вообще – все, что с ним связано, в голове путается. Тут помню, а тут не помню».

– Слишком много «помню», – сказал я. – За стилем не следишь, литератор.

– Мне не до стиля было, – огрызнулся Котя. – Читай...

Далее Котя довольно подробно описал нашу вчерашнюю беседу и мои зловключения. Прерывался текст на фразе: «И у меня сильное подозрение, что если бы Кирилл позвонил на полчаса позже и я не успел записать этот текст, то я бы его уже не узнал».

Я вздохнул и повернулся вместе с креслом к Коте.

– Пока о тебе думаю, – уныло сказал Котя, – вроде бы все нормально. Помню и тебя, и все, что с тобой связано. А вот стоит отвлечься... Я отошел, кофе себе сделал. Вернулся, собирался продолжать про учителя физкультуры. Смотрю – на экране какой-то левый текст! Стал читать. Снова вспомнил. Но... как в тумане все.

– Котя, что происходит? – спросил я.

– Ты сам все помнишь? – с надеждой спросил он.

– Все. Это меня забывают. Родители вроде бы помнят, Анька... еще несколько девчонков...

– Те, с кем у тебя наиболее крепкий эмоциональный контакт, – заключил Котя.

– В смысле?

– Те, кто тебя постоянно вспоминает. Это не дает им тебя забыть... ну, быстро, во всяком случае. Мы ведь все постоянно всё забываем. Это нормально. Если информация лишняя, если не используется, то мозг ее стирает... ну или откладывает куда-то в долгий ящик. У меня на компьютере такая же система стоит, периодически спрашивает: «Вы этой программой не пользовались уже полгода, она вам нужна или ее можно стереть?» Так что все нормально... только слишком быстро происходит. Будто у тебя склероз.

– При чем тут я? Я все помню. Склероз у моих друзей.

– Такого не бывает... – мрачно сказал Котя. – Слушай, Кирилл, ты хороший человек, очень мне симпатичен, но только я не собираюсь о тебе постоянно вспоминать. Ты это учти! А если вспоминать не буду – то забуду начисто. И никакие записки не помогут.

– Я от тебя подвигов не требую, – пробормотал я. – Хочешь – сотру твои писульки и уйду?

Котя некоторое время размышлял. Скорее всего чтобы потрепать мне нервы.

– Нет, погоди. Мне интересно. Ты сегодня чем занимался?

– Обошел толпу бюрократов... – начал перечислять я. Котя внимательно слушал, кивал.

Потом спросил:

– В церковь не пробовал ходить?

Я вытаращил глаза. Котя воинствующим атеистом не был, но и в Бога не верил.

– Ты чего?

– А чего? Я не атеист, я агностик. А любой агностик теоретически допускает существование высших сил. Раз уж пошла такая мистика...

– Нет, не ходил. Так... сам помолился... – с легкой стыдливостью признался я.

– Надо ходить, – решил Котя.

– Точно?

– Точно. Потому что больше я никаких выходов для тебя не вижу.

Мы помолчали.

– Котя, мне нужна помощь, – сказал я наконец. – Может, и впрямь – мистика? У тебя нет знакомых экстрасенсов?

– Откуда?

– Ну... ты же сам, когда «не о», пишешь о всякой чертовщине... Общаешься...

– Чего? Да я с такими же охламонами и общаюсь! Ты думаешь, я хожу по шарлатанам-экстрасенсам, а потом о них пишу? Ты еще предположи, что я с овчарками трахаюсь, а потом это описываю... Все из головы, Кирилл! Все это гонимо на потребу публики! Нет никаких настоящих экстрасенсов... ну или я их не знаю...

– Тогда мне и впрямь только в церковь осталось пойти, – сказал я.

– Подожди. Знаю я, к кому пойдем.

Я вопросительно посмотрел на Котю.

– К Дмитрию Мельникову. А? Хорошо я придумал?

– А ты что, с ним знаком? – удивился я.

– О! И тебя склероз коснулся, – захихикал Котя. – Знаком. Не то чтобы очень, но Мельников – мужик внятный, компанейский. Только надо будет с коньяком прийти.

Дмитрий Мельников был человеком редкой профессии. Вот уже лет двадцать он работал писателем-фантастом и, видимо, на этом поприще преуспевал. Во всяком случае, жил знаток инопланетных чудовищ и отечественных вампиров в новом высотном доме на Кутузовском, с чистым подъездом и бравым дедком-вахтером, судя по выправке и въедливому взгляду, служившим раньше охранником в лагерях.

Квартиру Мельников имел огромную и богато обставленную, да и сам выглядел вполне благостным. Я всегда подозревал, что человек, герои которого зубами гнут арматуру, а пинком ноги прошибают бетонные стены, должен иметь не слишком-то геройское телосложение. Мельников и впрямь оказался человеком средних лет, среднего роста и средней плечистости – зато с изрядным брюшком.

Котю, однако, он принял вполне благосклонно. Я тоже был удостоен рукопожатия с владельцем дум наивных подростков и романтических девиц.

– Проходите в кабинет, ребята, – демократично предложил Мельников. – Хотите – тапки надевайте.

Где-то в недрах квартиры звякала посуда, канючил что-то детский голос, тявкала собака. Но за массивными дверями кабинета сразу стало тихо. Что-то мурлыкал пижонский проигрыватель – весь прозрачный, так что было видно, как крутится внутри диск и перемигиваются наверняка ненужные, только ради эстетики понапиханные светодиоды.

– А внутри у ней неонка, – пробормотал я.

Мельников обрадованно уставился на меня:

– О! Как приятно встретить образованного человека! А то до чего дошло – классику никто не помнит. Процитировал Стругацких без кавычек, сделал, так сказать, литературный комплимент – а читатели стали хвалить фразу как мою...

Настроение у меня было и без того не очень.

– По крайней мере у читателей хороший вкус.

Мельников замолчал. Кажется, решал, не стоит ли обидеться и выставить меня вместе с Котей.

Не выставил. Пробурчал:

– К вкусу бы еще общую начитанность... Ну как можно упереться в одного автора и читать только его? Пусть даже меня!

Котя хихикнул. Достал из пакета, на который Мельников уже успел покоситься, бутылку коньяка.

– Понятно, – сказал Мельников. Открыл шкаф, в котором оказался бар – и не пустой. Извлек бокалы. Поставил на стеклянный журнальный столик возле дивана. Подумал и спросил: – Как я понимаю, вы не только пить пришли?

– Очень нужна ваша помощь, – сказал Котя. – У Кирилла такая странная ситуация...

– Я не издатель, – быстро ответил Мельников. – Могу подсказать, куда обратиться с романом...

– Нет, что вы, Кирилл не пишет, – замахал руками Котя.

На лице Мельникова отразилось явное облегчение. Он спросил:

– А чем я тогда могу помочь? Единственное, в чем я профессионально разбираюсь, – это литература. Конкретизирую – фантастика.

– История у Кирилла приключилась фантастическая... – начал Котя. – Да что я... Кирилл сам расскажет.

Писатель-фантаст без всякого энтузиазма посмотрел на меня. Я вздохнул, сел на диван, взял в руки бокал с коньяком и начал рассказывать:

– Вчера я пришел домой с работы. Живу один... ну, почти один, у меня собака есть... Минут пять писатель откровенно скучал. Потом на его лице появилось легкое любопытство.

Странно – для того, чтобы пересказать самые наполненные событиями сутки из своей жизни, мне потребовалось всего четверть часа.

– Хорошая история. – Мельников плеснул себе еще коньяка. – Э... так это замысел вашего...

– Это случилось со мной на самом деле, – мрачно сказал я. Так и думал, что фантаст будет не лучшим советчиком. Фантасты в чудеса верят еще меньше, чем проститутки в любовь.

– Дмитрий Сергеевич, так и есть, – подтвердил Котя.

– Покажите мне ваш паспорт, – попросил Мельников.

Я пожал плечами – ну чем ему помогут мои документы, – но все-таки достал и протянул паспорт.

– Скажите, Кирилл Данилович... – изучая паспорт, сказал Мельников. – А как вы довели документ до такого состояния? В вашей ситуации...

Выхватив паспорт, я уставился на страницу с фотографией. Паспорт как паспорт... Вот только... только очень бледный шрифт. И фотография – будто выцветшая. И страницы – хрупкие, пожелтевшие.

– Еще вчера он был нормальный, – сказал я. – Глянь...

Протянул паспорт Коте – тот с ужасом уставился на блеклые строчки.

– Любопытно, – сказал Мельников с нескрываемым удовольствием. – Дайте-ка сюда...

Он еще раз внимательно изучил паспорт. Пролистал. Хмыкнул.

– Чего еще? – спросил я.

– А вы знаете, Кирилл, что вы нигде не прописаны? – спросил Мельников.

Страница с пропиской и впрямь оказалась пустой. Как я ни смотрел на нее – под ярким светом лампы, у окна, под углом и на просвет, – никаких следов штампа не было.

– Тяжело в Москве без прописки, – вздохнул Котя. – Может, тебе временную регистрацию получить? Да шучу, шучу, успокойся!

Мне было не до шуток. Я спрятал паспорт в карман. Посмотрел на Мельникова.

– Итак, надо исходить из того, что ваш рассказ – правда? – спросил Мельников.

Я кивнул.

– И вы хотите моего совета... э... как человека, выдумывающего всякие неправдоподобные истории?

Я снова кивнул.

Мельников откинулся на спинку дивана, опер локоть на кожаную подушку. Задумчиво покрутил в руке бокал с коньяком.

– Если бы я был Стругацкий А и Бэ, – начал он, – то я бы придумал так... Я бы придумал, что вы – человек совершенно ненужный в жизни, никчемный... вы уж только извините, это все для примера...

– Ничего, продолжайте, – попросил я.

– И вот сама жизнь, сама реальность принялась вас исторгать из мироздания. Постепенно стираются все ваши следы – вначале бюрократические бумажки, потом воспоминания случайных знакомых, потом воспоминания друзей и родных... И кончилось бы это... – Он на миг задумался. Потом кивнул: – Кончилось бы это тем, что вы истаяли бы, превратились в неошутимого и забытого всеми призрака. Примерно так.

– Спасибо, – сказал я, чувствуя странную сухость во рту. – А можно иные варианты?

– Конечно! – радостно откликнулся Мельников. – Будь я Глобачёв, я бы предположил, что на Землю вторгаются инопланетяне. Таким хитрым образом они очищают себе плацдарм – вытесняют человека из жизни, стирают память о нем, подменяют бумаги... и ваше место

занимает агент враждебной цивилизации. Кончилось бы все тем, что вы вступили бы с ними в борьбу, проникли бы на их планеты – и надавали всем по полной программе.

Эта версия показалась мне более оптимистичной. Но в свои способности устрашать инопланетных захватчиков я не верил.

– Будь я Заров, – продолжал Мельников, – то вы бы были маленьким мальчиком или наивным юношей. И вас бы испытывала на стойкость инопланетная цивилизация – не такая злая, как у Глобачёва, но тоже недобрая. Вы бы повзрослели и закалились в борьбе, надавали бы всем по полной программе, по случаю обрели всемогущество – но отказались бы от него по невнятным причинам.

– Тут я уже пролетел, – сказал я. – По возрасту. Дальше?

– Будь я Велесов, – задумчиво произнес Мельников, – то подобным образом вас готовили бы к переходу в иной мир – откуда вы и прибыли в младенчестве. А в мире том много разных богов, монстров и волшебников. Вы, пожалуй, были бы сам из рода богов или героев. И...

– Всем бы надавал, – догадался я. – И занял подобающее мне место.

– Ага. Но потом бы обнаружили, что существуют еще более крутые боги. И принялись бы воевать с ними...

– Еще версии? – спросил Котя. Похоже, он любил фантастику – потому что сейчас довольно лыбился, глядя на Мельникова.

– Будь я Охотников – то я бы ничего объяснять не стал. – Мельников злорадно улыбнулся. – Вам бы навалили все кому не лень. Вы бы просто очень долго страдали, а потом поняли, что жизнь придется начинать с чистого листа. И заново добились бы всего в жизни и завоевали любовь забывшей вас женщины...

– Что-то мне это не нравится, – признался я.

Котя захохотал.

– Будь я Чудов, – Мельников прищурился, – то были бы вы мачо. Интеллигент с тонким знанием психологии окружающих, но с манерами армейского сержанта. И злая девица облила бы вас дерьмом из ночного горшка, а менты бы долго били дубинками. До кровавых соплей. Но ваша сила духа все превозмогла бы.

Котя прыснул.

– Будь я супругами Иноченко, – Мельников на миг задумался, – то подобные гадости творились бы со многими людьми, регулярно, все бы их ждали и к ним готовились. Но вы, пожалуй, изначально были бы девочкой или юной девушкой. Кончилось бы все грустно, но оптимистично.

Котя ржал в полный голос. Я невольно улыбнулся.

– Будь я молодой и честолюбивый автор Вася Пупкин, то я бы поиграл с религией, – продолжил Мельников. – К примеру – сделал бы вас современным Иовом, которого Господь испытывает и осыпает бедами. Я бы еще ждал у вас проблем со здоровьем, милицией и преступным миром.

– Совсем не нравится, – сказал я.

– Будь я Дромов, то эпидемия стирания людей из реальности началась бы внезапно и во всем мире. Вы бы работали в спецслужбе и расследовали это дело – пока с вами самим не началось подобное. Объяснения я бы все-таки предложил, но не слишком убедительные – не в них дело.

– Скажите, а если бы вы были Мельниковым? – не удержался я.

Мельников вздохнул.

– Будь я Мельников... а я и есть Мельников... то я смело написал бы роман с любым подобным сюжетом. Вы поймите, я ведь и сейчас фантазирую, предлагаю различные варианты... а для смеха провожу параллели...

– Но все-таки? Что, по вашему мнению, более реально?

– Да ничего! – Мельников залпом выпил коньяк. – Да не верю я в этих дурацких пришельцев, в этих богов и героев, в таинственные законы мироздания, страдания и прочую ерунду! И Велесов, и Дромов, и Иноченко – никто не верит. Все писатели-фантасты – очень здраво-мыслящие люди. Они просто развлекают людей. Ну... еще немного экстраполируют реальные житейские проблемы на фантастическую ситуацию – чтобы читать было интереснее. Так что все варианты возможны – и все нереальны.

– Но со мной же что-то происходит, – сказал я. – Понимаю, вы не хотите мне поверить. Не можете. Думаете, что это розыгрыш... бред больного... Но допустите хоть на миг! Что мне делать?

Мельников задумался.

– Ну, для начала... В милицию вам идти поздно. Вас арестуют на всякий случай, и все... Держитесь тех, кто вас помнит. Близких друзей. – Он посмотрел на Котю. – Родителей. Подруг. Не давайте им забывать. Тяните время – все может измениться... Что еще? Постарайтесь найти какие-то документы. Свидетельство о рождении, а? Какие-нибудь справки в совсем уж случайных конторах... В кино не снимались? На телевидении не выступали? Домашние видеозаписи, фотографии... Сходите к врачу, заведите на себя медицинскую карту. Платные поликлиники паспорт требовать не станут... В церковь сходите! Помолитесь!

– Пожалуй, мне только последнее и осталось, – сказал я. – Молиться.

– Кирилл, – начал Мельников. – Я готов вам поверить. И скажу честно – мне страшно вато при мысли о том, что вы не шутите. Ведь если такое случилось с вами, то может случиться и со мной. Но я не знаю ответа. Я не оракул. Я всего лишь писатель-фантаст. Могу посочувствовать, выпить с вами, дать пару дурацких советов. И все!

– Вы извините, что мы так вторглись, – сказал Котя. Похоже, нутром почувствовал, что аудиенция окончена.

Мельников встал, разлил остатки коньяка. Сказал:

– На посошок?

Я выпил без всякого удовольствия. Странное дело – вроде и не ждал никаких чудес, а все равно расстроился.

– Вы меня держите в курсе, – сказал Мельников. – И я, если что-нибудь придумается, позвоню... э... Коте.

– У меня мобильник есть, – зачем-то сказал я. – Запишите...

– Да, да, конечно. – Мельников засуетился, взял со стола какой-то клочок бумаги и нацарапал на нем мой номер. Надо полагать, через полчаса этот клочок уже отправится в мусорное ведро.

Прощались мы как-то скованно. Возможно, при других обстоятельствах Мельников оказался бы интересным собеседником и просидели бы мы с ним не час, а весь вечер. Виноваты, конечно, были мы с Котей: пришли к человеку, который давным-давно в чудесах разуберился, и требуем в эти чудеса поверить.

Многokrатно повторяя, что «будем держать друг друга в курсе», мы потоптались у дверей, потом Мельников как-то ловко и незаметно отпер замки, и ничего не оставалось, кроме как выйти на лестницу. Из глубины квартиры явственно пахли свежепожаренные котлеты, и писатель слегка нервничал.

– Так мы еще позвоним! – бодро сказал Котя в закрывающуюся дверь, услышал в ответ неопределенное «угу» и виновато посмотрел на меня.

Я пожал плечами.

– Он вообще-то ничего мужик, – пробормотал Котя. – Очень даже компанейский. Я думал, дольше пообщаемся.

– Проститутки верят в любовь, – сказал я.

– Чего? – Котя вызвал лифт. – Какие проститутки? Нет, я не против...

– Фантасты в чудеса верят еще меньше, чем проститутки в любовь. Это я так подумал, когда пришел к Мельникову. Вот только проститутки – они в любовь верят. Тихонечко, никому не говоря, но верят. Мечтают, что есть что-то, кроме потных толстых мужиков, которым требуется секс за деньги. Мечтают и боятся в это поверить. Так и Мельников твой... ему на самом деле хочется, чтобы все это было – чудеса, инопланетяне, параллельные миры. Чтобы это было не только оберткой для конфеты, а самой конфетой... разноцветным монпансье в корбочке. Но он боится поверить! Ему куда проще себя убедить, что я – аферист или псих. Тяпнет водочки под котлеты, почешет в затылке и пойдет писать про коварных пришельцев.

– Ну загнул! – с восхищением сказал Котя. Побарабанил пальцами по кнопке лифта. – Про проституток – это здорово!

– Вставь в рассказ, – предложил я. – Пошли пешком, не работает лифт.

– Да как же не работает, трос движется!

Я махнул рукой и стал спускаться.

– С двенадцатого этажа пехом? – возмутился вслед Котя. – Ну-ну, посмотрим, кто быстрее!

Я дошел только до седьмого, когда вверх прошел лифт. Потом – второй. Я ускорил шаг, но где-то на четвертом спускающийся лифт меня обогнал.

Все-таки целесообразно быть ленивым...

Перепрыгивая через ступеньки, я выскочил в подъезд. Котя уже открывал дверь подъезда.

– Подожди! – крикнул я. – Ты куда разбежался?

Котя застыл в дверях и покосился на читающего газету вахтера. Я сделал еще несколько шагов – и остановился.

Котя смотрел на меня пустым, чужим взглядом.

– Котя? – спросил я.

Котя откашлялся и спросил:

– Да?

– Ты что, меня не узнаешь?

– Э... – промямлил Котя. Снова посмотрел на вахтера. Тот подозрительно спросил:

– Какие-то проблемы, молодые люди?

– Нет, никаких проблем, – протискиваясь мимо Коти на улицу, ответил я. – Все в порядке!

– Вы откуда идете? – крикнул вахтер вслед.

Я не ответил. Стоял и ждал, пока Котя неуверенно выйдет из подъезда. Не то чтобы он запаниковал, но явно насторожился.

– Котя? – повторил я. – Костя?

– Не припомню, – искренне ответил Котя, слегка расслабляясь. – Вы... знакомый Мельникова?

– Ну да, – сказал я. – Знакомый. Неужели не помнишь?

Котя помотал головой. Спросил:

– Что-то случилось?

– Ты... вы от Мельникова идете? – выдавил я.

Котя кивнул.

– Он дома?

– Да, конечно. – Котя потоптался на месте. – Так вы к Мельникову? Извините, лицо знакомое, но никак не припомню...

– Все в порядке, – сказал я. – Это внешность у меня такая, не запоминающаяся.

– Ну, я пошел... – Котя сделал шаг, покосился на меня, что-то собрался сказать, но мотнул головой и отвернулся.

Я достал сигареты, закурил. Дым был сладок и горек одновременно. За стеклянным окошечком в двери мелькнуло лицо вахтера – бравый дедок был настороже. Не вызвал бы ментов...

Снова запустив руку в карман, я достал паспорт. Открыл. Хрупкие страницы рассыпались в руках, фотография со щелчком отскочила и упала на асфальт. Я поднял ее – на сером квадратике уже нельзя было различить лица.

Было холодно. Все-таки уже осень. А зиму обещали холодную...

– Значит, так... – пробормотал я. То ли угрожая кому-то, то ли пытаюсь выстроить план. – Значит, так? Значит, так!

Первое – чудес не бывает.

Второе – исключения возможны, но только для злых чудес.

А если настало время злых чудес, то бесполезно оставаться добрым.

5

Окна в моей квартире не светились. Вряд ли девица Наталья Иванова ложилась спать в восемь часов вечера.

Я поднялся на свой шестой этаж, позвонил в дверь. Гавкнул и настороженно затих Кешью. Я постоял несколько минут, потом пожал плечами и вошел в лифт. Если кто-то за мной следил через глазок, то этот кто-то сейчас зашаркает своей старческой походкой обратно к телевизору, отметив в памяти, что к соседке приходил кавалер. В том, что стерва Галина Романовна меня уже начисто забыла, я не сомневался.

Интересно, как вообще эти бабки, не отрывающиеся от бесконечных «мыльных опер» и утепляющие двери дерматином на синтепоне, ухитряются слышать звонок в соседские двери? А еще имеют обыкновение шастать по поликлиникам и жаловаться врачам на плохой слух!

В лифте я нажал кнопку девятого этажа. Ждать Наталью на площадке рядом с мусоропроводом было опасно, обязательно кто-нибудь выйдет с ведром или покурить. А вот девятый этаж меня вполне устраивал – в одной квартире жил старенький дедушка, никуда самостоятельно не выходивший, две другие снимали многочисленные семейства восточных гастарбайтеров, которые никогда в милицию не позвонят. Раньше меня раздражали эти тихие восточные люди, то ли таджики, то ли узбеки, жившие по десять человек в квартире. Нет, ничего личного, они старались проскочить к себе незаметно, по углам, будто тараканы на свету. Обычный бытовой шовинизм.

Теперь я был рад тихим соседям с последнего этажа. Сидел у мусоропровода, курил, глядел в окно вниз, на подступы к подъезду. Темнело, но лампа над подъездом была яркая, Наталью я успею увидеть загодя.

Несколько таджиков поднялись вверх и юркнули в свои квартиры, сделав вид, что не видят меня. Я потихоньку добивал пачку сигарет.

Пошел дождь – мелкий, тихий, я такие даже люблю осенью. Они как напоминание, что лето кончилось. И почти сразу же внизу мелькнул цветастый кружок зонта.

Может быть, я видел его вчера в своей квартире, среди прочих чужих вещей. А может быть, и не видел. Но я сразу почувствовал – это Наталья.

Живот свело холодом, ноги будто отнялись. Я с трудом заставил себя дойти до лифта и нажать вызов. Где-то внизу хлопнула дверь, но лифт уже подъехал к девятому этажу. Я вошел, но нажимать кнопку первого не стал.

За меня это сделала Наталья – и лифт послушно пошел вниз.

Трудно становиться бандитом, четверть века прожив вполне честно и порядочно.

И очень не хочется в тюрьму за бандитизм.

Из внутреннего кармана куртки я достал нож, купленный два часа назад в ларьке у метро. Дешевая китайская подделка под какую-то знаменитую марку. Плевать. Мне важен был его устрашающий вид – узкое длинное лезвие с хищными зазубринами и кровостоком. Если бы в ларьке продавались убедительно выглядящие муляжи пистолетов – я купил бы муляж пистолета.

В тюрьму не хотелось ужасно.

Дверь лифта с шипением открылась, и некрасивая девушка Наталья шагнула в лифт. Даже не шагнула – качнулась, заноса ногу, но тут же увидела меня, глаза ее округлились, она попыталась отпрянуть.

Схватив девушку за плечо, я втолкнул ее в лифт. Прижал нож к горлу – движение оказалось таким естественным, будто я всю жизнь подрабатывал маньяком-насильником, промышляющим по лифтам.

– Я буду кричать, – сказала Наталья, косясь на нож.

– Почему же не кричишь? – спросил я. Сложенный зонт упирался мне в ногу, Наталья его упорно не выпускала. В другой руке у нее был пакет с какими-то продуктами.

– Отпустите, я вас не знаю! – громко сказала девушка. – Отпустите меня!

Я нажал кнопку шестого этажа.

– Врешь. Ты меня помнишь. А это значит...

Ее глаза забегали по моему лицу. Она облизнула губы. Осторожно покачала головой:

– Вы с ума сошли. Вас посадят. Знаете, как в зоне с насильниками поступают?

– Наталья, вы слишком спокойны, – сказал я. И только сказав, понял – попал в точку. Она слишком спокойна для женщины, на которую с ножом напал... да не важно кто – маньяк или облапошенный накануне лох.

– Вы не убийца. Вы меня не тронете.

– Проверим? – спросил я. – Вы лишили меня всего. Квартиры, работы, документов. Мне терять нечего!

– Жизнь, – коротко ответила она.

– Это не так уж и важно. – Я перехватил нож поудобнее, так, чтобы острие покалывало шею в районе артерии. – Только пикни – я ударю.

Лифт остановился. Открылись двери.

– Рекомендую вести себя так, словно мы старые хорошие друзья, – сказал я, обнимая Наталью за плечи. – Спокойно откроешь дверь, и мы войдем в квартиру. Договорились?

Если я все рассчитал правильно и если Наталья не станет дергаться и кричать, то нож через соседский глазок не увидишь. Идут в обнимку парень и девушка, не терпится добраться до постели, чего тут необычного? Именно такую картину и желает увидеть старая климактеричная стерва-соседка.

Наталья дергаться не стала.

Щелкнули замки, мы вошли в квартиру. Ногой захлопнув за собой дверь, я зашарил по стене, нащупывая выключатель. Прямоугольник кухонного окна сочился умирающими сумерками. В комнате тревожно тявкнул Кешью. Было холодно – неужели до сих пор не топят...

– Выключатель ниже, – презрительно сказала Наталья. – На уровне опущенной руки.

– Ну да, ну да, как же я мог забыть, – пробормотал я.

Вспыхнул свет. Я заглянул в комнату – собака лежит на диване, больше никого.

– Что дальше? – спросила Наталья. Она слегка наклонила голову, подальше от лезвия ножа. – Сразу убьешь или вначале помучаешь?

Кешью соскочил с дивана. Выметнулся в коридор, завилял было хвостом – и замер где-то на грани между бегством и лаем.

– Ты слишком спокойна, – повторил я как заклинание. Это было единственное, что я мог предъявить в качестве улики, стоя в этой чужой, незнакомой квартире. – Наталья, я ничего не смогу доказать. Но я уверен, что ты в этом замешана с головой.

Девушка фыркнула.

– Так и будем стоять?

– На кухню, – велел я.

Мы прошли на кухню, я задернул шторы. Кешью следовал за нами – все такой же настороженный, но пока тихий.

– Садись! – Я толкнул Наталью на табуретку. Достал из кармана скотч.

– Боевиков посмотрелся, – презрительно сказала Наталья.

Она не сопротивлялась, даже сама протянула руки – и я скрутил их скотчем. Потом прикрутил ее к табуретке. Тишина была мертвящая, страшная – даже на улице ни гула проезжающей машины, ни пьяных гуляк, ни хлопающих дверей подъезда.

– Успокоился? – холодно спросила Наталья, когда я отложил рулончик скотча и сел на другую табуретку. – Ну объясняй теперь, чего хочешь? Квартиру на тебя переписать? Трудновато будет...

Я ее не слушал. Я внимательно изучал кухню. Восемь квадратных метров, да комната – двадцать, да еще десять на ванну, туалет, коридор... невелики хоромы. Если затратить очень много сил и средств, то все можно замаскировать до неузнаваемости даже за восемь часов.

Замаскировать – но не переделать.

Чудес не бывает.

И мне надо найти следы моей квартиры в этом чужом жилье.

Что первое?

Кафель.

Я ковырнул ножом кафельную плитку. Все в порядке, кафель, а не наклеенная поверх цветная пленка. Поддел затирку между плитками – тоже ничего не понять. Сухая. Может быть, старая. Может быть, быстросохнущая.

Наталья засмеялась.

– Рот заклеить? – спросил я. – Могу.

– Ты ковырай, ковырай, – добродушно сказала девушка. – Потом заставлю ремонт сделать.

Обои.

У самого пола, в незаметном месте, я надрезал кусочек обоев и оторвал. Под ними была стена. Следов прежних обоев не наблюдалось. Содрали? Могли, конечно...

– Дурак ты, – сказала Наталья.

Я сел на пол, крест-накрест вспорол линолеум – грубо, посередине кухни. Подошел Кешью, обнюхал дыру в полу – старого линолеума там не было. Зарычал на меня и отступил.

– Ну сам посуди – если документы действительно каким-то волшебством поменялись, если все друзья тебя забыли, то что ты собираешься здесь найти? – Наталья хихикнула. – Следы ремонта?

Я протянул руку к Кешью – пес увернулся. Ответил:

– И сам не знаю. Но про друзей я тебе ничего не говорил.

Наталья замолчала.

Я посмотрел ей в глаза, покачал головой:

– Это ты зря сказала. Теперь я на сто процентов уверен, что ты в этом замешана. Только не знаю как.

– Что дальше? – Голос у нее оставался совершенно спокойным. – Пытать будешь? Убьешь? Ты не в тайге, родной. Ты теперь для всех – спятивший маньяк. Без документов, без прошлого. Ворвался в чужую квартиру, убил хозяйку. Смертную казнь у нас отменили или как?

– Вроде как отменили.

– Пятнадцать лет в зоне – тоже не сахар. Ну? – Наталья победно улыбнулась. – Развяжи-ка меня, Кирилл. Сядем как люди, чаек поставим, поговорим по душам.

Больше всего на свете мне хотелось залепить ей пощечину. И не надо говорить, что бить женщин нехорошо! Таких – нужно!

Вот только бесполезно. Наталья в истерику не впадет, в коварных планах не сознается.

Можно плюнуть – даже в физиономию. И уйти – пусть сама освобождается, перегрызает скотч и хихикает в свое удовольствие.

А можно попробовать поговорить.

Я встал и подошел к Наталье. Она с улыбкой вытянула руки – я поднес к ним нож, чтобы разрезать скотч.

– Лопух, – с улыбкой сказала Наталья. И пронзительно завопила: – Помогите! Убивают! Убива...

Ничего я не успел сделать! Ни опустить руку с ножом, ни заткнуть ей рот. Продолжая кричать, Наталья приподнялась вместе с примотанной к заднице табуреткой – и рванулась вперед. Прямо на нож.

Лезвие дурацкого китайского ножа вошло ей под левую грудь. Мне на руку толчком выплеснулась кровь. Девушка перестала кричать, будто подавилась собственным голосом. Вскинула голову и прошептала:

– А что теперь придумашь, Киря?

Я отпрыгнул – невольно выдергивая нож из раны. Наталья, скрючившись, упала на пол. Из-под нее потекла кровь, собираясь в разрезанном линолеуме. Кешью зарычал, прижался к полу и стал подползать к ней.

Никогда в жизни мне не было так страшно.

Я всегда считал, что всякие там «ослабевшие руки», «подкосившиеся ноги», «холодный пот» – это выдумки романистов. Когда мне доводилось попадать в передраги, то я, наоборот, заводился и становился деятельным. Отец по этому поводу одобрительно говорил – «адрено-линовая реакция на стресс».

Сейчас я не падал только потому, что привалился к дверному косяку. Ноги дрожали, я весь был мокрый от пота. Нож я держал в вытянутой руке, и пальцы сжались так, что не расцепить.

Хотя – зачем мне его выбрасывать? На радость милиции? Проще всего зарезаться вслед за Натальей. Пусть следователи строят версии о несчастной любви. И одним кинжалом он убил обоих...

В дверь позвонили.

Надо же...

– Эй, соседка! – донесся до меня голос Петра Алексеевича. – Эй, у тебя все в порядке? Наташа?

Когда Наталья упала, у меня на секунду мелькнула надежда, что вместе с ее смертью развеется и морок. Меня вспомнят друзья, соседи, сослуживцы...

Нет, не работало.

Я все тот же человек без прошлого – да еще с ножом в руках и трупом у ног. И ни одна сволочь не поверит, что Наталья сама наделась на нож.

В дверь постучали.

Кешью завыл, лежа у тела Натальи. Пронзительно, истошно – никогда не думал, что он способен выть, даже оплакивая хозяйку...

Да какую, к чертовой матери, хозяйку! Аферистку-самоубийцу!

Кешью взвыл особенно жалостливо. Я даже дернулся к нему, чтобы взять на руки, успокоить (все собаководы советуют этого не делать – но вы когда-нибудь слышали щенячий плач?). Но Кешью сразу же оскалился на меня.

Собака мне не верит.

И никто не поверит.

Меня посадят. А не надо было приходить в чужой дом с ножом!

– Милицию уже вызвали! – донесся из-за двери визгливый голос соседки. – Щас приедут, разберутся!

Была в этом голосе такая жажда крови – не обязательно моей, чьей угодно, лишь бы случилась эта кровь, нашлось о чем сплетничать с подругами по телефону, – что я взглянул на нож. А не выйти ли, не зарезать ли старую стерву? Сделать напоследок доброе дело для человечества. Тварь ли я дрожащая?

Наверное, тварь. Не зарежу. И Наталью бы не тронул, права она была.

Долго ли наша милиция едет на вызовы?

А какая разница... Через окно я не удеру, шестой этаж. У дверей караулит Петр Алексеевич, мужик при всем его пьянстве и грубости правильный. Влепит в рожу – тут я и лягу...

– Попал я, Кешью, – сказал я. – И даже ты меня предал!

Кешью рычал.

С его точки зрения он никого не предавал, напротив – как мог защищал хозяйку.

Огибая по дуге собаку, я прошел в комнату. Выглянул в окно. Раз уж мир сошел с ума, почему бы у моего окна не возникнуть пожарной лестнице?

Не было никакой лестницы. Зато во двор неторопливо въезжала милицейская машина. Сирена была отключена, но мигалка помаргивала синим.

Вот и все.

Милиция всегда опаздывает к месту настоящих преступлений, зато в моем случае...

В дверь стали звонить непрерывно. Почему-то вспомнилось, как в раннем глупом детстве баловался с друзьями – бегали по подъезду и звонили в чужие двери. Высшим достижением было звонить очень долго, но все-таки успеть убежать до того, как откроется дверь... Потом мы нарвались на мужика вроде Петра Алексеевича, который по квартире ходил очень тихо, по лестнице бегал очень быстро, а пройтись ремнем по жопе малолетнего сорванца считал правильной воспитательной методикой...

Я пошел к двери. Зацепился чем-то за стену, недоуменно глянул на зажатый в кулаке нож. Бросил его на пол. Какой смысл стирать отпечатки пальцев при таком количестве улики?

Звонок надрывался, и самым важным казалось прекратить этот звон.

Как во сне я повернул головку замка и открыл дверь.

На меня уставились Петр Алексеевич и Галина Романовна. Похоже, они уже и не ожидали, что дверь откроется. Наверное, я мог бы сейчас рвануться, проскочить мимо них и броситься вниз... прямо в руки милиции.

Петр Алексеевич все еще держал палец на кнопке звонка.

– А-а-а! – протяжно взвыла соседка, уставившись на мои руки. – Кровь, кровь! Убил!

И – вот чего не ожидал – закатила глаза и грохнулась в обморок.

Зато Петр Алексеевич отреагировал так, как я и ожидал. Навстречу моему лицу вылетел здоровенный кулак, мир завертелся, и я кулем осел рядом с соседкой.

Почему-то даже уложив меня на пол, сосед продолжал звонить. Или это звенело в ушах? Я потряс головой, пытаюсь прийти в себя. Перед глазами почему-то оказалось две пары грубых шнурованных ботинок, все остальное плыло и было не в фокусе. Донесся сквозь звон чей-то суровый голос:

– Прекратите звонить! И нечего своевольничать, рукоприкладством заниматься...

Через меня перешагнули, заглянули в квартиру. И тот же голос, чуть изменившись, добавил:

– Для этого в стране милиция есть.

Ботинки вернулись – и один из них со всего маху ударил меня под ребра. С каким-то неожиданным облегчением я закрыл глаза и провалился в беспамятство.

В маленькой зарешеченной клетке милицкого УАЗа воняло хлоркой. Едкая вонь навевала унылые мысли о казенном доме, муниципальных больницах и прочих местах, где требуется перебить запах нечистот и уменьшить число микробов.

Я пришел в себя лежа на железном полу, скорчившись в три погибели. Руки были скованы за спиной.

К моему удивлению, машина стояла. Мне очень смутно вспомнилось, как меня протаскивали по лестнице, надели наручники и зашвырнули в «клетку». Видимо, собирались везти в отделение. Или куда там везут задержанных с поличным убийцев...

Но машина по-прежнему стояла – я почему-то был в этом уверен – возле моего дома. Моего бывшего дома.

Изгибаясь всем телом, я встал. Заглянул в зарешеченное окошечко двери. Стекла за решеткой не было. Воздух свободы был свежим и чистым после дождя. Поблескивали в свете фонарей мелкие лужи.

Да, все верно. «Узик» стоял у подъезда. Рядом появилась еще милицейская «волга». Собирают улики?

А меня на время оставили в покое?

Что-то было в этом неправильное. Либо вези в участок, либо допрашивай над свежим трупом, к чему полумеры...

Из подъезда вышли двое. Один, похоже, обычный пэпээсник, возможно, тот самый, что бил меня ногами. А другой в штатском. Следовательно, поднятый с постели?

– ...бытовуха, – донеслось до меня. – Торговка с рынка, привела хахаля...

– Разберемся, – мрачно сказал человек в штатском. – Ладно, сержант, спасибо за службу.

Можете ехать... Да! Кто там у вас сидит?

Он мотнул головой в сторону узика.

– Там? – Милиционер вроде бы задумался. – Пьянь какая-то.

– Где задержали?

– У метро, – как-то не очень убедительно сказал мент. – Давно уже. Да нет, не ваш клиент.

Человек в штатском вернулся в подъезд. А пэпээсник подошел к «узику». Я присел на пол. Сердце зачастило. Неужели... Да нет, не может быть!

Где-то рядом щелкнула зажигалка, потянуло сигаретным дымком. Потом хлопнула дверь машины и кто-то сказал:

– Ну что там, старшой? Я прикемарил малость...

– Нож нашли, отпечатки сняли... Собачонку сосед к себе взял... Курить будешь?

– Давай.

Снова щелкнула зажигалка. Дымок стал гуще. Я не выдержал и попросил:

– Мужики, дайте сигарету...

Некоторое время никакой реакции на мои слова не было.

Потом сержант спросил:

– Слушай, а где мы его подобрали? Все из головы вылетело...

– У метро вроде, – подумав, сообщил водитель. – Или во дворах на детской площадке?

– Вроде как воспитывать его пришлось, – продолжил сержант. – Черт, с этой работой...

Дверь с грохотом открылась. Два милиционера неприязненно, но без особой ненависти уставились на меня.

– Мужики, дайте закурить, – попросил я.

– Проспался? – спросил сержант.

Я униженно закивал.

– Кури.

Мне в зубы всунули мятую «мальборину». Поднесли огоньку. Я жадно затянулся и, пьянея от никотина и собственной наглости, спросил:

– Долго ездить-то будем? Меня скоро и в вытрезвитель не примут.

Водитель заржал:

– А что, так рвешься?

– Совсем не рвусь, – признался я. – Жена убьет. И так скандал будет, ревнивая она у меня, а если в вытрезвитель залечу...

– Повернись, – велел сержант, затаптывая окурок.

Я с готовностью повернулся. Получу дубинкой по башке или...

С меня сняли наручники.

– Иди домой, гуляка, – беззлобно сказал сержант. – Девку тут зарезали... не до тебя сейчас. Кому-то горе, а кому-то удача.

Я выпрыгнул из машины. Стал растирать затекшие руки. Заметил пятно крови на рукаве – и спрятал ладони в карманы. Сказал:

– Спасибо большое. Чтоб я еще так нажирался...

– Ну-ну, – скептически произнес сержант. Все-таки в его взгляде оставалась недоверчивость. Его что-то смущало... едва-едва, но смущало. – Где мы тебя подобрали-то, помнишь?

– У метро, во дворах, – с готовностью ответил я. И начал переминаться с ноги на ногу, как человек, мечтающий отлить. Особо притворяться не требовалось.

– Доберешься сам?

– Мы же в Медведково? – Я начал озираться. – Ну да, конечно! Спасибо!

– Ты там не нагадил? – вдруг встрепенулся водитель. Бдительно осмотрел клетку и подобрел. – Ладно, вали к своей ревнивой...

Милиционеры смотрели мне вслед, пока я уходил. Вполне равнодушно смотрели. Не было им больше смысла возиться с подобранным у метро пьяным, везти его, уже пришедшего в себя, в вырезвитель...

Это что же получается?

Я уже совсем никто?

Я могу убить – и через час... часы остались? Остались и даже не разбились. Через два часа задержавшие меня менты уже не помнят, где и когда меня задержали...

Ноги сами вынесли меня в подворотню. Я подошел к углу, расстегнул ширинку. Что уж теперь, после всего случившегося...

Я стал идеальным преступником. Могу воровать, грабить, убивать. Меня не запомнят никакие свидетели. Если не убьют при задержании – то отпустят.

Ребра, кстати, болели. Переломов, наверное, нет, а вот ушибы или трещины – запросто.

Но в карманах остались деньги и ключи от родительской квартиры, на руке – часы, на поясе – мобильный. Все в порядке. Полпервого ночи. Еще успею доехать к родителям на метро. Вымыться, чего-нибудь съесть и подумать, что делать дальше.

Преступником я быть не хочу. Даже идеальным.

Но что я могу сделать? Наталья мертва – и у меня не осталось ни одной ниточки к прошлому.

Только ключи от родительской квартиры.

Я вертел их в руках, выходя из подворотни на улицу. И когда металлический ключ переломился у меня в пальцах, ничуть не удивился.

Этого следовало ожидать.

6

Супермаркеты придуманы для многодетных семей. Круглосуточные супермаркеты – для мизантропов.

Нормальный человек не отправится среди ночи за покупками в огромный мультиплекс. Бутылку водки для продолжения пьянки проще купить в магазинчике у метро. Набирать полную тележку продуктов во втором часу ночи – удел людей, мечтающих жить на необитаемом острове.

Я стоял у молочных витрин, изучая бесконечные ряды йогуртов. Есть не хотелось, а нести продукты было попросту некуда. Но мне требовалось оказаться среди цивилизации – в ее самом вульгарном, товарном воплощении. Жратва, выпивка, бытовая электроника, дешевые тряпки. Негромкая музыка из невидимых громкоговорителей. Редкие покупатели, беззвучно бродящие по залу.

Вот молодой человек набивает тележку пакетами с молоком и картонными упаковками яиц. Кто это? Сумасшедший едок омлетов? Менеджер ресторана «Млеко-яйки»? Изобретатель новой чудо-диеты?

А кто этот просто одетый мужчина, сосредоточенно изучающий журналы по элитной недвижимости? Эксцентричный миллионер, присматривающий особняк на Рублевке? Нищий архитектор, не желающий отставать от новых тенденций в дизайне? Мазохист, которому хочется увидеть, как живут сильные мира сего?

Ну, с парочкой, что прихватила в зале две бутылки шампанского и коробку конфет, а на кассе – пачку презервативов, все понятно. Вот только еще одна сопутствующая покупка, рулон туалетной бумаги, выглядит в корзине смешно и неуместно.

Первым делом я взял зарядник для телефона – будто у меня имелась для него розетка. Положил в свою тележку фляжку дешевого дагестанского коньяка. Подумал и добавил плитку шоколада и бутылку минералки. Можно всю ночь провести в торговом зале, охрана скорее всего на меня внимания не обратит. У маленького кафетерия в супермаркете есть туалет, я его уже посетил и долго отмывал с рук следы крови. Но смысл здесь оставаться? Проще сесть на лавочку перед супермаркетом и дать бой всем проблемам традиционным русским способом...

Идти мне некуда. Звонить некому. Даже родителям. Нет у них больше сына по имени Кирилл, уверен.

Я медленно двинулся к кассе. Кредитная карточка целая, но без паспорта ничем мне не поможет. Зато наличные пока не собирались рассыпаться. Вот ведь гадость какая, вопреки всем пословицам деньги оказались надежнее друзей!

За пересчитыванием на ходу купюр меня и застал телефонный звонок.

Сейчас, когда мобильные телефоны играют любую музыку, от Бетховена до «Уматурман», самый оригинальный звонок – это простой «дзинь-дзинь». Как в старых телефонах, где еще не было никаких микросхем, а всего лишь барабанил по чашечкам звонка маленький молоточек.

Я достал трубку и уставился на надпись «номер засекречен».

В общем-то ничего эта надпись не значит. Вовсе не обязательно звонит президент или иная большая шишка, чей номер смертным знать не положено. Обычный сбой определителя...

– Алло, – сказал я.

– Кирилл.

Не вопрос, скорее утверждение. Сильный мужской голос, в меру властный и доброжелательный.

– Да.

– Запоминай путь. Метро «Алексеевская». Сразу из метро – налево. Вниз по лестнице. Идешь по тропинке между домами...

– Кто это говорит? – воскликнул я. – Что вы хотите?

– Запоминай путь.

– Я никуда...

– Как угодно.

Невидимый собеседник умолк.

– Аллю? – осторожно спросил я.

– Запоминай путь. Метро «Алексеевская»...

Я сдался.

– Послушайте, просто назовите адрес!

– Запоминай путь.

Не знаю, чем бы закончился этот разговор, остановись я в зале. Мог бы и упереться, отказаться ехать неизвестно куда. Но я продолжал идти – и обнаружил, что миную кассиршу. Девушка равнодушно смотрела сквозь меня.

Я сделал еще шаг, прокатывая тележку сквозь рамку сигнализации. Раздался тревожный писк. Девушка вздрогнула, ее взгляд сфокусировался на мне.

– Не спите, – сказал я, откатывая тележку назад и выкладывая на транспортер кассы свои покупки.

И добавил в трубку:

– Подождите секунду. Я включу диктофон.

Машину я поймал с огромным трудом. То ли никому не хотелось среди ночи и под снова зарядившим холодным дождем сажать пассажира, то ли меня совсем перестали замечать. Судя по продавщице в супермаркете – второе.

Наконец остановился старый «жигуленок», для разнообразия – с русским водителем. Для себя я решил, что желание заработать способно преодолеть любую чертовщину.

За последние полтора рубля я доехал до «Алексеевской». Перешел проспект Мира по переходу – даже в два часа ночи там было довольно многолюдно. Теснились кучкой легко одетые ярко накрашенные девицы. Торопились домой пассажиры последних поездов. Подошел к метро – на вход станция уже не работала, но люди еще понемногу выходили.

Вниз по лестнице и между домами...

Чем дальше от метро, тем безлюднее становилось вокруг. Даже теплым летом мало кто гуляет в третьем часу. Что уж говорить о холодной дождливой осенней ночи!

Я шел, временами доставая телефон и прослушивая запись на диктофоне. Никогда не считал себя мастером ориентирования в городе, но кроки мне дали на удивление четкие. Налево – здание милиции. Проходим мимо, сворачиваем...

Безумный день!

С утра у меня еще была какая-то вера в обыденность происходящего. К вечеру стало ясно, что банальными бандитами ситуацию не объяснить.

Потом предполагаемая аферистка покончила с собой. Я был бит справедливо возмущенными гражданами и доблестными защитниками порядка – после чего отпущен.

Получил звонок непонятно от кого – и пошел в ночь неизвестно куда.

Ну не идиот ли?

Очередная порция ориентиров вывела меня к длинному сталинскому дому. Если я правильно понял, то за ним будет какая-то мелкая станция полуживой железнодорожной ветки. Последний ориентир.

Удивительно, но мне совсем не было страшно. Бить меня сегодня уже били, а убивать – после всего произошедшего – просто нелепо. Хотя я и очень себя люблю, но прекрасно понимаю – не стоят моя жизнь и мое имущество таких усилий.

Скорее мне было интересно.

А раздражал больше всего дождь, припустивший с новой силой и ставший совсем холодным.

Когда я обогнул дом и вышел к станции, ботинки у меня промокли насквозь, куртка стала влажной и тяжелой, джинсы облепили ноги холодными компрессами.

И что хорошего тут меня ждет? Даже не станция, платформа. Крошечная будочка кассы закрыта, тускло светит лампочка над дверью. Два павильончика магазинов, оба ярко освещены, на одном гордо написано «круглосуточно», но дверь тоже закрыта, сквозь стекло просвечивает табличка «перерыв 15 минут».

Я последний раз включил диктофон, прижал мобильник к уху.

«Стань лицом к круглосуточному магазину. Повернись направо. Пройди тридцать шагов», – сообщил чужой вежливый голос.

Я встал, повернулся и пошел – в чахлую лесополосу, тянущуюся вдоль насыпи с путями. К подошвам липла размокшая глинистая земля, с голых веток сыпались каскады брызг. Из темноты проступила приземистая кирпичная башня. Вдоль железки полно таких старых водонапорных башен. Наверное, их строили еще во времена паровозов, заполнять огромные котлы...

Впрочем, на этой башне белым кирпичом был выложен год: «1978». Паровозов в ту пору уже не водилось. Хотя один друг мне рассказывал, что паровозы до сих пор стоят в депо законсервированные – на случай войны или прочих катаклизмов нет более надежного транспорта.

– Ау-у! – негромко позвал я. – Кто звал меня?

Тишина. Сеет с неба холодный дождь, спят в своих кроватях добропорядочные граждане, пьют на кухнях алкоголики и интеллигенты, в подвалах и на чердаках пригрелись бомжи в обнимку с дворовыми собаками.

Все люди как люди, один я в мокрых штанах и в поисках приключений.

Никто не откликнулся. Никто не спешил разъяснить мне, что именно происходит, – ну или огреть дубинкой по затылку.

Я подошел к башне. В крепкой стене красного кирпича была небольшая железная дверь. В водонапорных башнях есть двери? Никогда не приглядывался... Да еще и против обыкновения не с навесным замком. Просто дверь с металлической ручкой в глухой стене. Я некоторое время смотрел на дверь, представляя себя, как тяну, открываю – и обнаруживаю...

Что?

Да что угодно!

Чего только не помещали за такими дверями коллеги писателя Мельникова! Райские кущи. Миры, где трубят в боевой рог мускулистые герои, отмахиваясь тяжелой острой железкой от злых чудовищ. Сонные провинциальные городишки, оккупированные бесчувственными инопланетянами. Вход в секретные лаборатории спецслужб. Древнюю Русь разной степени сусальности – в зависимости от знания автором истории. Я прямо-таки услышал бодрый голос фантаста: «Будь я Холопов, вы бы попали в подземные катакомбы...»

У меня хлюпнула вода в ботинке. Без всякой уверенности я взялся за ручку.

И замер.

Что вы почувствуете, взявшись за металлическую ручку на двери заброшенного строения под холодным осенним дождем?

Ну да. Влажная ржавчина, стылый металл, общая грязь и неуютность. Я тоже это почувствовал.

Но одновременно...

Такое чувство, словно, придя с промозглой улицы, я переоделся в домашнее – старую заношенную рубашку и брюки, которые не наденешь на люди, но в которых уютно и комфортно; налил в большую кружку крепкого горячего чая и открыл новую книжку любимого писателя. Прочитал несколько страниц и удовлетворенно посмотрел, как много еще страниц впереди...

Теплота, спокойствие и ожидание чего-то хорошего...

Я оторвал руку от дверной ручки. Пальцы были в мокрой рыжей грязи.

Ощущение тепла не проходило.

Предвкушение праздника – тоже.

Я потянул дверь на себя, она открылась мягко, будто петли недавно смазывали. Я шагнул в темноту. Помедлил секунду.

Тут никого не было. Я это знал так четко, будто тщательно осмотрел все помещение.

Совершенно привычным движением, будто войдя в свой дом, я пошарил левой рукой по стене, наткнулся на выключатель и вдавил клавишу. Загорелся свет.

Просторная пятиугольная комната. Двери, оказывается, были в каждой стене. Очень чисто, никаких следов ночевки бомжей или подростковых гульбищ. Кирпичные неоштукатуренные стены, ровный бетонный пол, с низкого потолка свисает на проводах несколько лампочек без абажуров. Посередине – вертикальная металлическая лестница, уходящая в открытый на потолке люк.

Явно не жилое помещение.

Похоже на ангар или гараж.

Никак не на водонапорную башню.

Бессмыслица какая-то...

Я прикрыл за собой дверь. Обнаружил и задвинул засов. Прошел вдоль стен, дергая остальные двери. Все они были закрыты – на засов изнутри и, видимо, снаружи.

В возрасте лет десяти такие помещения вызывают восторг. Не зря дети обожают играть на стройках, к ужасу родителей и справедливому возмущению рабочих. Для взрослого человека ничего хорошего тут не было.

Но ощущение уюта, правильности этого места – не проходило. Я поймал себя на том, что по-хозяйски неодобрительно смотрю на грязные следы своих ног.

Ладно, оглядим второй этаж.

Я вскарабкался по лестнице – подошвы скользили на неудобных, сваренных из трубок ступеньках. На втором этаже лестница не кончалась, но люк на третий этаж был закрыт и не поддавался моим усилиям. Второй этаж оказался чуть уменьшенной копией первого – только вместо дверей здесь были наглухо закрытые железными ставнями окна. А когда я нашел выключатель и зажег свет, то обнаружил и мебель – два стула, стол, деревянную койку с матрасом, подушкой и одеялом, но без постельного белья. Все чистое, новое, будто только что из магазина. Мебель самая простая, словно кустарная. Гладко оструганные доски, крепко завинченные шурупы. Глаз не радуется, но не развалится...

– И чего вы от меня хотите? – громко спросил я.

Если за мной кто-то и следил, то отвечать явно не входило в его планы.

Возле выключателя нашлась розетка. Я включил телефон на зарядку и поставил будильник на восемь утра. Пакет с покупками из супермаркета бросил на столе. Спустился вниз, выключил свет на первом этаже. Поднялся, выключил свет на втором. На удивление легко нашел в полной темноте кровать, с наслаждением снял мокрые туфли, разделся и развесил мокрую одежду на стульях.

Лег.

Все начнется утром. Не знаю, что именно, но ночь в моем распоряжении...

Некоторое время я тихо лежал, прислушиваясь к перестуку дождя за окном. А потом легко, ни о чем не думая, уснул. Если мне что-то и снилось, я этого не запомнил.

Проснулся я не от будильника, а от ворвавшегося в сон стука. Несколько блаженных секунд не помнил, где я и что со мной приключилось. А потом вспомнил все – разом. Лающий на меня Кешью, витийствующий Мельников, рассыпающийся паспорт, кровь на моих руках, голос в телефоне...

Открыв глаза, я сел на кровати. Оказывается, ставни на одном из окон были закрыты неплотно, и в комнату проникал слабый утренний свет. Неожиданно белый... будто зимой. Поежившись – было прохладно, – я подошел к окну. Вечером я и не пробовал открыть ставни, но это оказалось неожиданно просто. Вначале я открыл створки окна, потом откинул защелку с блестящих, будто никелированных ставен. Распахнул их.

В комнату ворвался свежий холодный воздух. И свет – много света. Окно выходило не на железку, а в какой-то тупичок, застроенный старыми кирпичными домами промышленного вида, почти без окон. Все было припорошено чистым, чуть розоватым в лучах восходящего солнца, еще не истоптанным снегом. Тень от башни падала на снег и поднималась на глухую стену соседнего здания. Больше всего строения походили на какие-нибудь заводские корпуса девятнадцатого века постройки, еще не переоборудованные ушлыми дельцами в дискотеки и ночные клубы.

Несколько минут я с удовольствием дышал, чуть щурясь от яркого света. Откуда взялась эта заводская окраина? В Замоскворечье таких много, где-нибудь в районе Измайловского – тоже хватает. Никогда не думал, что такие районы есть между «Рижской» и «Алексеевской», стоит лишь чуть отойти от проспекта Мира...

Закрыв окно – стало совсем холодно, – я принялся торопливо одеваться. Джинсы высохли, рубашка тоже, а вот туфли остались влажными. Да, рано пришла зима. А я совсем не по погоде одет...

Снизу донесся стук, и я вздрогнул, вспомнив причину пробуждения. Кто стучится в дверь ко мне? Уж никак не почтальон...

В полминуты закончив одеваться, я сунул в карман мобильник и сбежал вниз по винтовой лестнице.

Почти сбежал. Остановился на последней ступеньке и вцепился в деревянные перила. Меня пробило мелкой дрожью, и холод тут был ни при чем.

Какая, к чертовой матери, винтовая лестница?

Вечером это была обычная металлическая лесенка вроде пожарной. Дурацкая, неудобная.

Сейчас – винтовая лестница в полтора оборота. Деревянная – и перила, и ступеньки, и центральный столб. Очень по уму сделанная – ступеньки шероховатые, не скользкие, перила – как раз на нужной высоте, рука сама на них ложится.

Я вспомнил, как искал следы ремонта в своей бывшей квартире. Наивный! Тут ухитрились поменять целую лестницу, пока я спал...

Кстати, не только лестницу! Вчера пол на первом этаже был бетонный. Сегодня – деревянный. Широкие, плотно пригнанные друг к другу доски, не лакированные, как паркет, а будто пропитанные темным маслом. Очень благородно выглядит, ничего не скажешь.

А лампы на потолке оказались забранными в решетчатые металлические абажуры. Это слегка напоминало уличные фонари, но в принципе тоже смотрелось неплохо.

Можно было сказать, что мои жилищные условия после некоторого падения стремительно улучшались. Позавчера утром я был владельцем маленькой однокомнатной квартиры, вчерашний вечер встретил бомжем, лег спать в заброшенной башне у железной дороги. Теперь у меня были двухэтажные апартаменты с интерьером, не лишенным определенной роскоши.

Стук повторился, и теперь уже было понятно, что стучат в одну из дверей. Причем, если я совсем не потерял ориентацию в пространстве, не в ту, через которую я вошел.

Я подошел к двери, помедлил секунду. Решительно отодвинул засов и распахнул дверь.

Да, входил я не здесь. Эта сторона башни выходила в заснеженный заводской тупичок. А на снегу переминался с ноги на ногу мужчина средних лет в серой суконной униформе с большой медной бляхой на груди, в сапогах, в меховой фуражке и – с толстой сумкой на ремне. Нетерпение на его лице при моем появлении сменилось воодушевлением.

– Мать моя... – сказал я.

– Что? – растерянно спросил мужчина. Оглянулся и с недоумением пожал плечами. – Ваша матушка?

– Нет... ничего. Э...э?

– Доброе утро. Чудный денек, не правда ли? Почта. – Мужчина похлопал по сумке. Посмотрел на меня с некоторым подозрением.

– Да, конечно. Доброе утро. Я догадался.

– Почта, – повторил мужчина. – Два пакета и письмо.

Пакеты были прямоугольными, увесистыми. Письмо – в простом белом конверте, без марок и адреса, никак не подписанное.

– Спасибо, – принимая пакеты и письмо, сказал я. Почтальон учтиво приподнял фуражку – не представляю как, но жест вышел естественным. – Я... э... вам что-нибудь должен?

– Нет-нет, все оплачено, – вежливо ответил почтальон. – Всего доброго.

Он развернулся и пошел, огибая башню. Я выждал пару секунд – и, повинаясь безумной догадке, бросился вслед за ним.

Не было никаких сталинских домов, насыпи с железкой, асфальтированной дороги.

Были: заводские корпуса, узкая заснеженная улица между ними и ожидающая почтальона карета. То есть не карета, конечно. Но откуда мне знать, как называется двухколесный открытый экипаж, в который впряжена лошадь? Шарабан? Тарантайка? Тильбюри?

Почтальон неторопливо шел к своему экипажу. А я обежал по свежему снегу вокруг башни – совершенно не похожей на водонапорную, скорее выглядевшую как одна из заводских построек.

Как я уже и ожидал, в башню вела только одна дверь, а на втором этаже было только одно окно. Башня была пятиугольной, метров пятнадцать высотой, немного сужающейся кверху.

Вернувшись к двери, я нырнул внутрь башни. Захлопнул дверь. Пакеты и письмо бросил на пол, а сам кинулся к другим дверям, изнутри их по-прежнему было пять.

Закрыто.

Закрыто.

Третья дверь послушно распахнулась.

Шел дождь. Над Москвой висело серое промозглое утро. Неожиданно резко ударил в нос запах выхлопных газов, мазута, еще какой-то дряни. Стучала вдали колесами уходящая электричка. Я вышел, тут же вляпался в лужу, с ботинок упали и мгновенно растаяли хлопья снега. Овернулся.

Кирпичная башня. Самая обычная старая водонапорная башня. Одна-единственная дверь, одно окно, закрытое ржавыми железными ставнями.

От магазинов донесся обильно сдобренный матюками разговор: «А она... подзаборная... нажрался... как свинья, говорит... все вы, бабы...» Неправедно обиженному что-то визгливо отвечали пропитым, но, наверное, женским голосом.

Здравствуй, любимый город...

Я отступил назад, хлопнул за собой дверь. Закрыл засов.

Эх, писатель Мельников... Зря ты мне не поверил.

Подняв с пола пакеты и письмо, я поднялся на второй этаж. Открыл окно, выходящее на Москву. Отошел немного и несколько минут любовался удивительной картиной: дождливое серое утро в одном окне, яркий зимний рассвет – в другом.

А потом сел за стол и аккуратно вскрыл конверт с письмом.

Из конверта выпал узкий желтоватый листок, вызвавший у меня ассоциацию то ли с повесткой, то ли с телеграммой: качеством бумаги, слепым машинописным шрифтом, пропущенными союзами.

«Кириллу Максимову. Поздравляем прибытием. Обживайтесь. По желанию приступайте работе. Комиссия прибудет послезавтра. Всех благ».

Это «всех благ» меня доконало. Я скомкал листок, бросил на пол. Снова заглянул в окна. Дождь в одном, снег в другом. Два мира и три закрытых окна. Я попытался снять защелку с одного из закрытых окон – она не поддавалась.

Вернувшись к столу, я разорвал один из пакетов. Достал увесистый томик в коричневом кожаном переплете. Не в пластиковом «под кожу», а в настоящем, вкусно пахнущем новой вещью. Почему-то вспомнилось, что в Азии запах кожи считается одним из самых отвратительных... интересно, будь я китайцем или корейцем, из чего оказался бы переплет?

Я осторожно открыл книгу. Никаких выходных данных, разумеется. Хорошая плотная белая бумага, четкая печать. На первой странице – оглавление:

Москва

Товары, разрешенные к вывозу – стр. 3

Товары, запрещенные к вывозу – стр. 114

Товары, разрешенные к ввозу – стр. 116

Товары, запрещенные к ввозу – стр. 407

Я открыл страницу сто четырнадцать. Список был более чем невелик.

«Рабы (лица, обращенные в собственность ближнего своего, состоящие в полной власти его).

Оружие массового поражения (оружие, предназначенное для нанесения массовых потерь)».

Я открыл книгу ближе к началу. И выяснил, что пошлина за один килограмм разрешенного к вывозу перца (черный, красный, белый или зеленый) составляет три тысячи восемнадцать рублей шесть копеек. Зато перчатки облагались пошлиной в размере всего семи рублей за пару. Пергамент – девяносто шесть рублей три копейки за квадратный метр. А павлины (перо) – два рубля семнадцать копеек за десять сантиметров.

– Верещагин, уходи с баркаса... – пробормотал я. Посидел, разглядывая мелкий разборчивый шрифт. Нашел четыреста седьмую страницу.

Кроме рабов и оружия массового поражения, в Москву было запрещено ввозить любые растения и семена, сохраняющие всхожесть, наркотические вещества и любых животных, за исключением эндемичных. Несколько секунд я размышлял, являются ли эндемичными для Москвы верблюды. Или дельфины. Или белые медведи.

В зоопарке ведь они имеются.

Я представил, как по заснеженному тупичку тяжело топают к башне груженные тюками анаши белые медведи с погонщиками-рабами, вооруженными портативными ядерными бомбами. А я гордо встаю у двери и, размахивая книгой, не пускаю груз в Москву...

Я даже подошел к окну, за которым дремали заснеженные заводские корпуса, и бдительно оглядел безлюдную улицу.

Что это? Дыра в пространстве? Нет уж, судя по архитектуре зданий и гужевому транспорту почтальона – скорее во времени.

Или и в пространстве, и во времени.

Или в параллельный мир, вечную радость фантастов. Шел человек, открыл дверь в стене...

ТЬФУ!

Я разорвал второй пакет. Точно такая же книга, тоже в кожаном переплете, только черного цвета. Оглавление – все те же четыре раздела.

Но вверху – не «Москва», а таинственный «Кимгим».

Что-то в этом слове было от сибирских названий, что-то от азиатских. В одном я был уверен: никогда раньше я не слышал про такой город.

И впрямь проход между мирами?

А при чем тут я? Почему меня вначале забыли друзья, а потом перестали замечать даже менты? Откуда взялась Наташа Иванова и с какой радости она покончила с собой? Кто позвонил и вывел меня на эту башню, смотрящую двумя сторонами в два разных мира (и, никаких сомнений, способную открыться еще в три)? Кто прислал письмо и сборники таможенных правил?

Нет, неправильные вопросы. Не важные. Вначале меня должны интересовать не причины происходящего, а мои действия.

На мне сырая одежда, к тому же – совсем не по погоде. Из еды – шоколадка и бутылка минералки. Денег ни копейки, и пока даже присвоить таможенные сборы нет возможности.

Впрочем, нет худа без добра. Раз уж меня не замечают кассирши, а милиция отпускает после задержания «на месте преступления»...

Я ухмыльнулся и отложил таможенные правила Кимгима.

7

С самого детства, посмотрев первый боевик и прочитав первый детектив, я решил, что грабить людей – нехорошо, а вот обчищать банки или корпорации – очень даже нравственно. Уж не знаю, откуда у меня взялась такая странная мораль, но что-то в ней есть. Я потом в книгах неоднократно встречал такой же подход. Да и в жизни, если разобраться, вора, укравшего кошелек, граждане могут убить на месте, а ловкого мошенника, обворовавшего страну на миллиард, терпят и даже готовы им восхищаться.

Как бы там ни было, но я решил обворовать ближайший крупный магазин. Такой нашелся минутах в десяти пешком от железки.

Для начала я решил запастись продуктами. Прошелся по залу, набрал полную тележку: консервы, копченая колбаса, сухарики, минералка и соки, еще две бутылки коньяка, на этот раз дорогого армянского. На взгляд все это добро тянуло тысячи на две-три. Не настолько много, чтобы персонал ждали серьезные неприятности.

Лучезарно улыбнувшись кассирше, я прокатил тележку мимо кассы. Детекторов тут не было, не настолько крупный магазин, так что визга сигнализации не последовало...

– Гражданин! – раздраженно и одновременно растерянно окликнула меня девушка с кассы.

Я выждал секунду и повернулся:

– Да?

Продавщица, ярко накрашенная молоденькая девица, возмущенно смотрела на меня:

– А платить?

У меня предостерегающе екнуло в груди. Но я еще хорохорился:

– О чем вы?

– Володя! – позвала продавщица.

Охранник тут же подошел к нам.

– Платить не желает!

Никакой забывчивости в ее глазах не было. Наоборот, я готов был биться об заклад, что девушка запомнила меня накрепко и вечером не преминет рассказать семье о наглом воришке.

– Как не желаю? – быстро сдал назад я. – Хотел вначале упаковать покупки.

Более нелепого объяснения и придумать было нельзя.

– А пробить? – помахивая датчиком штрих-кода, будто футуристическим бластером, спросила девушка. – А пробить я товар должна?

– Ой, извините, что-то я совсем задумался... – Выдавив кривую улыбку, я стал выкладывать продукты на ленту транспортера.

Охранник задумчиво посмотрел на меня. Остановил кассиршу, уже подносящую первую банку к датчику:

– погоди, Танька... У вас деньги-то есть, молодой человек?

Денег у меня не было. Я небрежно достал кредитку:

– Карточку принимаете?

– Принимаем. – Кассирша всмотрелась в карточку. И злорадно улыбнулась: – Только эту не приму.

– Почему?

– А она не ваша.

Смотреть на карточку я даже не стал. Сказал:

– Ой. Иванова Наталья? Это жены, у нас от одного банка...

– Чужую не приму, – облегченно произнесла кассирша.

Зато охранник ехидно улыбнулся:

– Вон банкомат стоит. Утром деньги закладывали. Сними, сколько там тебе надо.
Под его пристальным взглядом я направился к банкомату.

Что сделает охранник, если я брошусь наутек? Вряд ли примется преследовать. Да и в милицию скорее всего не сообщит. Урона магазину я не нанес, а что карточка у меня чужая, так это не его проблемы...

Встав к охраннику спиной, я всунул карточку в щель банкомата (и впрямь владелица Ivanova Natalia). Карточка изменилась – чего и стоило ожидать.

А вот изменился ли пин-код?

И не успел ли банк заблокировать карточку покойной?

Я медленно набрал на пульте: 7739. Подтвердил код.

На экране загорелся запрос суммы.

Я с облегчением выбрал пять тысяч. Потом передумал и набрал девять семьсот – почти все, что на карточке оставалось.

Банкомат равнодушно зашелестел купюрами, выдавая мне новенькие пятисотки и слегка мятые сотни.

Я вернулся к кассе, демонстративно держа деньги в руке. Охранник с явным разочарованием отошел в сторону. Кассирша молча упаковала покупки, я расплатился – и через минуту уже вышел из магазина. Обернулся – кассирша и охранник смотрели мне вслед и о чем-то разговаривали.

Беда.

Куда делась моя вчерашняя неприметность? Ведь я был зрячий в стране слепых. Я был человеком-невидимкой, избавленным от проблем с ходьбой нагишом и босиком.

А сейчас...

Во мне вдруг проснулась робкая надежда. Я сел на лавочке напротив магазина, приставив рядом пакеты с покупками. Достал телефон.

Друзьям или родителям?

Родителям.

Гудок. Другой. Третий.

– Да! – послышался в трубке веселый отцовский голос. – Слушаю вас!

Я сглотнул вставший в горле ком и сказал:

– Это я, Кирилл.

– О, привет-привет! – отозвался отец. И – не успел я обрадоваться – добавил: – Кирилл Андреевич?

– Нет, Кирилл Данилович.

– Э... извините?

– Я твой сын! – крикнул я в трубку.

Несколько секунд длилась пауза. Потом отец как-то очень неуверенно сказал:

– Глупая шутка...

– Я твой сын, – повторил я.

– Сколько вам лет? – спросил отец, понижая голос.

Я растерялся, но ответил:

– Двадцать шесть.

Мне показалось – или в голосе отца послышалось облегчение?

– Не надо так шутить, молодой человек! Глупо и не смешно!

В трубке забили сигналы отбоя. Я рефлексивно набрал снова – но телефон у отца был, похоже, отключен.

Это что же получается? Назад ничего не вернулось... А зачем отец спрашивал мой возраст?

Я подумал секунду – и вдруг понял зачем. На лицо невольно напознала ухмылка. Ну, папа! Ну, ты даешь! Значит, у меня может существовать братец, старший или младший...

Впрочем, какая с того радость, если я сам не существую?

Дверь магазина открылась, вышел охранник, закурил. Увидел меня – и тут же во взгляде появилась подозрительность.

Нет, новая встреча с милицией мне не нужна. В этот раз не отпустят.

Подхватив пакеты, я зашагал обратно, к своей башне. Исчезни она или превратись в обычную грязную водонапорную башню – я бы ничуть не удивился. Но башня была на месте, дверь открылась, внутри тоже ничего не изменилось: винтовая лестница, простая мебелировка на втором этаже. Минералка и коньяк так и стояли на столе. Я выложил покупки, сразу же понял, что забыл купить хотя бы пластиковую посуду и столовые приборы. Колбасу пришлось грызть. Впрочем, это не помешало мне позавтракать колбасой с сухариками, запить все минералкой и глотком коньяка, после чего некоторое время постоять у окна, выходящего в чужой мир.

Снег. Здания красного кирпича. Солнце стоит высоко, но уже нагнало облаков... как бы снова не начался снегопад.

Конечно, стоило выйти в этот мир. Поискать хоть какие-то разгадки. Но вначале мне потребуется теплая одежда... и с моими финансами закупки придется делать на вещевом рынке.

Утреннее воодушевление развеялось как дым.

Так не бывает! Уж если существуют иные миры – то там должны водиться чудовища и прекрасные принцессы. Первых уничтожают, вторых спасают. А тут глухая улочка и заброшенные здания...

Некоторое время я мрачно смотрел в окно. Потом сказал сам себе:

– Нечего сидеть. Все ответы где-то там. А еще – чудовища и принцессы...

Убежденности в своем голосе я не заметил. Но встал и вышел – в Москву.

Мне все-таки удалось обойтись без визита на вещевой рынок. Я вспомнил про магазин в районе ВДНХ, где торговали конфискованными поддельными брэндами, нераспроданными остатками модных когда-то коллекций и прочими товарами с подозрительно низкими ценами. Там мне удалось приобрести теплую куртку, пошитую трудолюбивыми китайцами, вязаный берет неизвестного происхождения (надпись «Design of Italia» меня ни в чем не убедила, наоборот, укрепила в сомнениях) и зимние ботинки, имеющие одно неоспоримое достоинство – они были сухие.

Впрочем, кому-нибудь мог понравиться и их удивительный бледно-зеленый цвет.

С покупками в большом пакете, за который экономные торговцы сомнительным товаром не преминули содрать пять рублей, я вышел из магазина. Тут-то меня и поймал телефонный звонок.

– Да? – ответил я.

– Кирилл? – раздалось из трубки.

У меня потеплело на душе.

– Да! Котя, привет!

– Кхм... – Котя явно не рассчитывал, что его узнают. – А как твоя фамилия?

– Максимов.

– Угу. Да. Слушай, мы с тобой два дня назад...

– Коньяк пили, – устало сказал я. – Все ясно. Ничего не помнишь, но опять нашел свою запись? Как там старый ловелас физрук, научил старшеклассницу в шпагат садиться? Ты еще посмотри на подоконнике, там две пустые бутылки стоят. Одна «Арапат»...

– Так это серьезно все? – спросил Котя убитым голосом.

– А ты что думал?

– Хакеры шалят... влезли на мой компьютер и написали...

Нет, надо быть Котей, чтобы верить в таких хакеров.

– Слушай, я тебе ничего доказывать не буду, – сказал я. – Вчера мы вместе ходили к твоему знакомому фантасту. А потом ты меня забыл. За десять секунд.

– А где ты сейчас? – помолчав, спросил Котя.

Я насторожился.

– Зачем тебе?

– Ну... неудобно. Странно все как-то... Приезжай?

– И чем это кончится? – почти весело спросил я. – Я приеду. Буду долго доказывать, что мы с тобой знакомы. Мы выпьем две бутылки. К утру ты протрезвеешь и опять мне не поверишь. Знаешь, что... Приезжай лучше ты.

– Куда?

– Станция «Москва-3». Это в городе, недалеко от метро «Алексеевская»...

– Я найду. Посмотрю по карте. – Котя явно решился. – Через час... нет, через полтора буду. Э... тебе надо чего-нибудь?

– Нет, спасибо. Я тебя буду ждать у круглосуточного магазина на станции, если понадобится, там и возьмем. Только учти, – не удержался я, – третий день подряд пить – это уже запой.

– А как я тебя узнаю? – беспомощно спросил Котя.

– Я тебя сам узнаю.

Спрятав телефон, я подумал, что зря мы с Котей не догадались сфотографироваться. Сразу, в первый вечер, когда все только началось. Вот и было бы доказательство знакомства...

Как известно, если ты понял, что сделал глупость, то сокрушаться малопродуктивно. Куда полезнее не повторять этой ошибки. В магазинчике фототоваров у метро я купил одноразовый «пляжный» фотоаппарат, по случаю приближающейся зимы стоивший всего две сотни. На что-нибудь более серьезное деньги тратить было жалко – никаких поступлений у меня не предвиделось.

А еще я купил швейцарский перочинный ножик. Больше всего мне понравилось, что лезвие в нем маленькое и без стопора.

Ловушек я не ожидал, но на всякий случай обосновался в отдалении от магазинчика, на полпути к своей башне. Купил бутылку пива и тихонечко распивал ее, прохаживаясь по дорожке. Человек в ожидании поезда пьет пиво, что может быть безобиднее...

Котя не подвел и приехал вовремя. Вылез из такси, воинственно поправил очки и стал озираться. Несколько минут я изучал окрестности, но никакой группы захвата не заметил. Да кому я нужен...

– Котя! – окликнул я бывшего друга, подходя ближе.

Котя подпрыгнул на месте и уставился на меня с таким мучительным желанием узнать, что даже стало неловко.

– Я это, – сгружая пустую бутылку в урну, сообщил я Коте. – Кирилл Максимов. Твой старый... э... приятель.

– Не узнал, – печально сказал Котя. Достал из кармана мятые листки, распечатанные на принтере. Внимательно пробежался глазами. Вздыхнул и протянул мне. – Все сходится. Будем на «ты»?

Оказывается, Котя не ограничился одной записью. Вчера, пока мы собирались к Мельникову, он набил еще несколько строчек:

«Сейчас пойдем в гости к Мельникову. Он фантаст, вдруг чего посоветует? На всякий случай, если снова все забуду: моего незадачливого друга зовут Кирилл Максимов. Ему два-

дцать шесть лет. Он работает менеджером в каком-то компьютерном салоне. Чуть выше среднего роста, обычного телосложения, намечается небольшое пузо...»

– Чего? Какое пузо? – возмутился я. – У меня совершенно нормальный вес!

– Вес нормальный, а работа сидячая, – парировал Котя.

«...пузо, лицо овальное, пухлые щеки...»

– Тебя послушать, так я весь жиром заплыл... – мрачно сказал я. – Я вешу восемьдесят кило. Совершенно нормально для моего роста.

«...щеки, глаза карие, волосы темно-каштановые, нос правильной формы, уши с четко выраженными мочками».

– Котя, ты в милиции не работал? – спросил я. – Словесные портреты не составлял?

Котя ухмыльнулся.

«В целом лицо добродушное и привлекательное. Говорит быстро, голос чуть глуховат, в разговоре неумело старается острить и подкалывать собеседника. Если я вернусь домой один и забуду про Максимова, то, прочитав эту запись, вспомню о случившемся. Что-то странное происходит с Кириллом, и мне очень не нравится, что я в это впутался».

Дальше шли чистые полстраницы – и еще несколько строчек из рассказа, в который Котя и впечатал записку самому себе:

«– Вот таким макарон! – шутливо закончил Семен Макарович, вытирая пот со лба. – Это называется тантрическая йога, и придумали ее тысячи лет назад древнегреческие гетеры.

– Спасибо огромное! – воскликнула Юля и зарделась».

Я посмотрел на Котю и покрутил пальцем у виска:

– Какие еще гетеры?

– Древнегреческие! – Котя забрал листки. – Работа у меня такая...

– Знаю я твою работу.

– Что вчера у Мельникова случилось? – спросил Котя.

– А ты ему не звонил? – поинтересовался я. – Сам-то что помнишь?

– Звонил, – ответил Котя с достоинством. – Он считает, что я к нему зашел один и мы говорили о литературе. Я тоже это помню. И все.

– Как я тебя на выходе из подъезда остановил?

Котя покачал головой.

– Пошли сядем, разговор долгий будет.

Мы взяли по бутылке пива (Котя хмыкнул, когда я без вопросов купил ему его любимую «Оболонь», а себе – нормальный «Туборг»), и я начал рассказ. Ничего не утаивая. И как купил нож, как подстерег Наталью Иванову, как она зарезалась...

– Ты уверен, что это не ты ее ударил ножом? – не выдержал Котя.

– Уверен. Я стоял с ножом в руке, хотел скотч разрезать...

– Невозможно прыгнуть на нож так, чтобы зарезаться! – подозрительно сказал Котя.

– А ты пробовал?

Котя замолчал.

Когда я дошел до милиции, освободившей меня из-под стражи, Котя занервничал.

– Слушай, Кирилл, вот это никак не возможно!

– Но так оно и было.

– Было, не было... – Котя задумался. – Говоришь, тебя били?

– Я думал, ребра сломают. Несколько раз так пнули...

– А сосед тебе в глаз засветил?

– Ну да.

– Ты в зеркало на себя смотрел?

– А что такое?

Котя ухмыльнулся.

– Ничего! В том-то и дело. У тебя лицо свежее и довольное. Будто ты неделю на курорте провел. А ребра болят?

Я подумал и расстегнул куртку. Подтянул свитер.

– Никаких следов, – констатировал Котя. – Ты меня извини, но так не бывает. Если тебя избили ногами, то хотя бы синяки наутро останутся.

Спорить с ним было трудно.

– Слушай дальше, – сказал я. – На этом чудеса не кончились.

– После ментов, которые тебя отпустили, больших чудес случиться не может, – скептически произнес Котя.

Через десять минут я закончил рассказ про башню и ехидно спросил:

– Как оно? Удивительнее ментов?

– Где эта башня? – спросил Котя.

– Вон, – показал я.

Котя снял и протер очки. Сказал:

– Это старая водонапорная башня.

– Да, конечно. С виду.

– И ты можешь меня туда провести?

– Ага.

– Пошли. – Он решительно поднялся. – Хотя я совершенно убежден, что дверь не откроется или внутри башни не окажется ничего странного...

Если честно, этого боялся и я. Откуда мне знать, могу ли я провести кого-то с собой? Быть может, проход между мирами работает только для меня. Это даже было бы логично.

Но дверь в башню открылась. И внутри все было именно так, как я запомнил. Винтовая лестница на второй этаж, пять дверей.

– Офигеть, – сказал Котя, озираясь. – Ты видишь то же самое, что и я? Качественный ремонт, винтовая лестница наверх...

– Да.

– Покажи мне ту дверь! – велел Котя. – Ту, в Кылгым!

– Кимгим, – поправил я.

Подошел к двери и, еще не открывая ее, понял, что все в порядке: металлическая ручка была ледяная.

Шел снег. Небо затянуло плотным покровом туч, и нам на головы ложились легкие белые хлопья. В окнах заводов (хотя с чего я решил, что это заводы?) света не было, звуков тоже никаких не доносилось. Следы от почтового экипажа давно засыпало снегом.

– Вот оттуда приезжал почтальон, – сказал я. – На тильбюри.

– Интересно, – сказал Котя и покосился на меня. – Тильбюри, говоришь?

Я пожал плечами. Содрал с фотоаппарата целлофановую обертку и сделал несколько снимков. Крошечная вспышка помаргивала, пытаясь подсветить местность. Впрочем, пленка – 400 единиц, снимки должны получиться.

– По всем признакам – параллельный мир, – сказал Котя. – А? Более отсталый, чем наш. Верно?

– Ну... похоже.

– Пошли в дом. – Котя вдруг посерьезнел.

– Теперь веришь? – спросил я, задвигая засов.

– Верю, верю... – Котя подергал остальные двери. – Все закрыто... Черт побери! Какие дела...

Он заметался по комнате, прижимаясь к дверям ухом, простукивая их, чуть ли не обнюхивая. Потом принялся изучать деревянный пол.

– За ночь изменился, – сказал я с гордостью, будто это я сам, лично, за одну ночь настлал тридцать квадратных метров массивной доски.

– Лиственница, – сообщил Котя. – Лаком не пахнет. А залакировано уже после укладки!

– Вот такая беда и на моей квартире была, – подтвердил я. – Никаких следов ремонта.

– Изменилась реальность... – с чувством произнес Котя. – И все изменились вместе с реальностью, один ты остался неизменным!

– Пошли вверх? – гостеприимно предложил я. – Там еще веселее вид.

– Или же наоборот, – продолжал размышлять Котя, идя за мной. – Реальность неизменна, а изменился ты. Потому и воспринимаешь обычные вещи как неожиданные...

– Это эвфемизм к слову «спятил»? – спросил я. – А ты не знаешь, в каждой заброшенной водонапорной башне произведен евроремонт?

Котя только вздохнул.

На втором этаже он тоже минут пять изучал обстановку. Таращился в окна, осматривал мебель. Обжигаясь, выкрутил одну лампочку и долго изучал цоколь. Потом вцепился в при- сланные книги, стал их с интересом проглядывать.

Я ему не препятствовал, потихоньку разлил купленный вчера коньяк, нарезал колбасу и сыр. На душе у меня слегка полегчало. Пускай друг меня и забыл, но наши отношения словно бы и не изменились. Наверное, оттого, что я-то знал, как с ним общаться, какие слова лучше говорить и как поступать.

– Что-то не сходится... – Котя отложил книги и задумчиво посмотрел на меня. Без особого интереса взял коньяк, пробормотал: – Только для снятия стресса...

– И что не сходится? – спросил я, когда мы выпили.

– Все не сходится. Вот смотри, что мы имеем? Ты – обычный молодой московский парень. Занимаешься какой-то ерундой, живешь в квартире, подаренной родителями, не женат, детей нет. Уникальными талантами не отмечен. Верно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.